

Рина Беж

Сделка с врагом.

Ответ на измену

<https://litres.ru/74206754>

Аннотация

– Я подарю вам коллекцию автомобилей, а вы поможете мне. Сыграете роль моего любовника. – Предлагаете сделку? Сердце колотится как ненормальное, но отступить я не намерена. – Именно так. – И зачем вам нужен этот цирк? – Хочу отомстить мужу. Неважно... Так как? Согласны? – А знаете, Арина... Он наклоняет голову вбок и смотрит прямо на меня. Радужка его зрачков становится совсем тёмной... – Я согласен. Пожимая огромную горячую ладонь, я даже не представляю, чем обернётся для нас эта сделка...

✓# ОДНОТОМНИК ✓# История Романа Зотова "Пари на развод"

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	66
Глава 10	75
Глава 11	86
Глава 12	93
Глава 13	103
Глава 14	109
Глава 15	116
Глава 16	121
Глава 17	128
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Пролог

*Лучше стану любовницей, чем удобной женой...
*

Ненавижу высший свет.

Особенно серпентарий, который его начиняет.

Все эти наигранные ужимки, грубая лесть, искусственные улыбки и неестественный смех вызывают одно желание – сбежать отсюда побыстрее.

Но я стою, удерживая в одной руке бокал, в другой миниатюрную сумочку, и делаю вид, что наслаждаюсь «скромным» вечером и атмосферой, насквозь пропитанной деньгами и лицемерием. А всё потому, что это нужно моему мужу и его будущей карьере депутата. Выборы только через два месяца, а он уже сейчас сияет так, будто готов принимать поздравления.

– Я отойду ненадолго, хочу кое с кем переговорить.

Серые глаза предупреждающе упираются в мои зеленые. Тяжелая рука по-хозяйски оглаживает нижнюю часть спины.

– Конечно, не спеши, милый, – скрипя зубами, произношу то, что от меня ожидают.

Хочется выплеснуть шампанское в ненавистное лицо, но я, как примерная жена, сияю приклеенной улыбкой. На кону уже заплаченная Зотовым операция для Катюши, кото-

рая состоится завтра, а также транш в четверть миллиона на первый месяц реабилитации.

– Ты у меня умница. Не скучай.

Роман мажет губами мне по виску и освобождает талию от захвата. Неторопливо разворачивается, сгружает свой бокал на поднос проходящего мимо официанта и через два удара сердца уверенной походкой устремляется прочь.

Оставшись в одиночестве, расслабленно выдыхаю и тщательно контролирую порыв обтереть влажные ладошки о подол платья. Находиться рядом с Зотовым и не кривиться – то еще испытание для нервной системы.

Его присутствие не просто раздражает, оно душит. Его улыбки и спокойствие коробят. Прикосновения вызывают брезгливость, поцелуи – стойкое отторжение. Даже от парфюма поташнивает, вытягивая на поверхность самые неприятные воспоминания и ассоциации.

А как иначе, если муж – грязный, потасканный кобель?

Незаметно осматриваюсь. Несмотря на работающие кондиционеры, мне кажется, что в помещении очень душно, к тому же от некоторых личностей чересчур сильно разит духами и неестественно навязчивым вниманием. Голову стягивает невидимый обруч, на виски неприятно давит.

Нафиг!

Надоело.

Я заслуживаю пять минут передышки.

Не оглядываясь, беру направление в сторону высоких

стеклянных дверей, закрывающих выход на балкон. Улыбаясь направо и налево, ловко маневрирую среди собравшихся кучками сплетниц, пропускаю мимо ушей попытки поймать меня в сети разговора и уверенно следую к намеченной цели.

К черту извечную пустую болтовню, хвастовство и сплетни.

Пусть сами себя жалят и облизывают, мне и без них отлично живется. А вот разведусь и тогда... ух! Устрою себе настоящий праздник.

– Госпожа Осипова, добрый вечер. Уделите мне минутку вашего драгоценного времени? – голос с ленцой, от которого по спине бегут мурашки, заставляет вздрогнуть.

Вот невезение. Бросаю взгляд в сторону балкона, до которого оставалось всего пару шагов, и неторопливо оборачиваюсь к давнему врагу и сопернику мужа.

– Господин Арбатов, – растягиваю губы в улыбке.

Уверена, сейчас она больше напоминает акулю нежели ангельскую, но... Руслану Германовичу и так сойдет. Ежели нет... то уверена, еще один наглый, настырный, беспринципный тип, подобный по безжалостности моему муженьку, это переживет.

Сам пообщаться вздумал.

– Сказала бы, что рада встрече, но... вы же – не любитель лести.

Заканчиваю «приветственную» речь.

Честно говоря, я не в курсе, чего именно любитель этот

тип, а чего – нет. Его потребности меня совершенно не заботят. Свои бы удовлетворить.

– Верно, Арина. Лесть не люблю, – глаза, светящиеся внимательным равнодушием, неторопливо сканируют с ног до головы, – в отличие от ретро автомобилей. Вы же посмотрели моё предложение о выкупе коллекции вашего дяди?

Посмотрела. Проигнорировала.

Неужели неясно?

– Она. Не. Продается, – четко разделяю слова. И вот теперь улыбаюсь по-настоящему.

Щелкнуть по носу богатенькому типу, уверенному, что все только и ждут, чтобы перед ним прогнуться, – могу, умею, практикую. Впрочем, с полным раздраем в душе хочется делать гадости всем и каждому. Когда внутри разруха – на чувства других плевать с высокой колокольни.

– Советую подумать еще, – Арбатов кажется непрошибаемым, а учитывая рост под метр девяносто, фигуру детины и бритую голову, еще и угрожающим. – Я даю хорошую цену, но если мало, мы можем обсудить...

– Не можем.

Перебивать невежливо, но иногда очень приятно. По венам проскальзывает адреналин.

– Вам она не достанется.

– Ах, мне?

Наконец-то, до моего собеседника доходить суть.

– Совершенно верно.

– Ну раз так... поделитесь, чем вас так не устраивает моя кандидатура в качестве покупателя?

Мужчина смотрит прямо и уверенно.

– Потому что в этом мире, господин Арбатов, не всё продается и покупается по щелчку пальцев таких, как вы.

Выдаю в итоге самый мягкий вариант, задирая подбородок и глядя в немигающие графитовые глаза.

– Таких как я – это каких?

Ни один мускул не дергается на его лице, но общая аура всколыхивается от напряжения.

– Самоуверенных, наглых и беспринципных муда...жчин, – еле успеваю исправить последнее слово на приличное. – Хотите оспорить?

С минуту мы непрерывно смотрим друг на друга, и чем дальше, тем меньше мне нравятся собственные предчувствия. Пальцы на руках почему-то немеют, а сердце то ли останавливается, то ли куда-то прячется. Глупость, конечно, но ощущение накрывает просто нереальное.

– Надеюсь, депутатское кресло, к которому вы так стремитесь, тоже вам не достанется, как и моя коллекция, – жалю последним пожеланием.

Ожидаю, что Арбатов сорвется. В крайнем случае назовет пустоголовой куклой. Хотя как-то проявит эмоции сквозь ледяной панцирь. Но единственной реакции, которой добиваюсь, лишь легкий прищур.

– Считаете меня недостойным, а своего Зотова идеаль-

ным?

Вопрос на пару мгновений сбивает с толку. В мозгу, как переключивается, и мысли начинают работать в совершенно ином направлении.

Выдержка летит к чертям.

– А знаете, нет, не считаю, – качаю головой, стараясь скрыть судорогу, что пробегает по телу. – Уже не считаю. Мой муж – обыкновенный богатый отморозок, который привык к вседозволенности и наглým манипуляциям.

– Не всё так гладко в семейном царстве? Неужели Рома наконец-то свалился с пьедестала?

Арбатов еле заметно усмехается, задавая вопрос.

– Можно сказать и так, – открыто признаваться в том, что узнала о наличии у мужа любовницы, не хватает сил. Зато в голове появляются мысли, как нужно действовать: раз Рома запрещает мне подавать документы на развод, нужно вынудить его самого это сделать. – А знаете, Руслан Германович, я передумала и готова рассмотреть ваше предложение о покупке. Точнее, я подарю вам коллекцию автомобилей, а за это вы поможете мне. Сыграете роль моего любовника.

– Роль?

Ожидаю, что Арбатов удивится. Но нет. Мои слова его не шокируют, будто не являются эксклюзивными и часто звучат в его присутствии.

– Именно роль, – киваю, поражаясь собственной смелости и безрассудности, и сильнее стискиваю влажной ладонью

сумочку. – Потратите несколько вечеров, изображая моего кавалера, и моя коллекция ретро авто станет вашей.

– Предлагаете сделку?

Сердце колотится как ненормальное, в горле странным образом пересыхает. Но отступать не намерена.

– Именно так.

– И зачем вам нужен этот цирк?

– Хочу отомстить мужу. Неважно... Так как? Согласны?

– А знаете, Арина...

Он выдерживает паузу. Наклоняет голову вбок и смотрит прямо на меня. Крылья носа слегка расширяются, радужка зрачков становится совсем тёмной...

– Я согласен.

Добро пожаловать в историю Арины и Руслана ##

**Будет: эмоционально, сложно, динамично. По гра-
ни ##**

Глава 1

– А теперь срочное сообщение. Большая авария произошла сегодня около полудня на КАД недалеко от Красносельского шоссе. Дорожно-транспортное происшествие с участием пяти иномарок перекрыло две полосы движения. Автомобили получили серьезные повреждения. От удара один из них развернуло. По данным карт, в районе аварии собирается пробка...

Тянусь к пульту, чтобы переключить новостной канал на что-нибудь более веселое, и замираю. На записи, сделанной и выложенной в сеть любителями горячих видео, среди незнакомых лиц вижу своего мужа.

Или нет?

Застываю, присматриваюсь внимательней, потому что камера гуляет и пытается охватить всё и всех сразу, но толком очень мало.

Ага, возвращается и...

Ну, точно он.

Лицо хмурое, брови сведены вместе, как происходит всякий раз, когда его что-то раздражает. Губы сжаты в тонкую полоску. На скулах играют желваки. Зато всегда идеально уложенные волосы и сейчас лежат как после похода к стилисту.

Белая рубашка расстегнута на верхнюю пуговицу. Бордо-

вый галстук в мелкий рубчик, который Рома просил завязать ему сегодня утром, чуть ослаблен. Наверное, после аварии стянул, чтобы продышаться. Пиджак отсутствует. Но муж его часто снимает, если едет за рулем.

Рома стоит рядом со своим Ровером и встревоженно вглядывается на заднее сидение, где точно кто-то сидит, но из-за темноты в салоне никак не поддается опознанию.

– ... один из автомобилей принадлежит кандидату в депутаты от партии «ЕР» Роману Сергеевичу Зотову, – информирует между тем ведущая о том, что я уже разглядела сама, – но по словам очевидцев не он стал виновником происшествия, а водитель белой субару форестер, не справившийся с управлением и...

Дальше снова не слушаю, потому что камера делает резкий рывок вбок и берет во весь экран кареты скорой помощи, подлетающие с включенными сиренами и проблесковыми маячками к месту ДТП. Медицинские служащие, как муравьишки, шустро, по-деловому выпрыгивают из машин и подхватив оранжевые чемоданчики, быстрым шагом направляются к пострадавшим, везут каталки и...

На одну из них грузят девушку, которую очень аккуратно достают с заднего сидения Ровера моего супруга.

Я узнаю ее моментально. Утонченная брюнетка невысокого роста с густыми выющимися волосами и фигурой – песочные часы.

Кира Измайлова.

Сестра Владислава Измайлова, кому официально принадлежит «Алмаз-Х», огромная компания по производству полупроводников и еще чего-то там, во что я не особо вникаю. А если неофициально, то владельцев там двое. Второй собственник – мой муж. Но по всем бумагам – он всего лишь наемный служащий – исполнительный директор.

Депутатам в нашей стране нельзя иметь свой бизнес. Вот он и изворачивается, как может, потому что предпринимательство – не предел его мечтаний. Зотов рвется к власти. И, зная его целеустремленность и упорство, не сомневаюсь, уже в сентябре у него всё выгорит.

А Кира работает вместе с моим мужем.

Она – начальник рекламного отдела. Если не ошибаюсь, уже давно. Заняла эту должность еще до того, как мы с Зотовым поженились, а значит, более двух лет назад.

Но важно не это, а то, как мой супруг нервничает и психует, глядя на уложенную на носилки девушку. Сжатые кулаки, сведенные вместе брови, напряженно выпрямленная спина и взгляд, который он не отводит от лица Измайловой, – всё это говорит громче любых заявлений о его страхе за коллегу.

Другие, уверена, об этом не подозревают, потому что внешне Роман спокоен, немногословен, лишь напряжен. Но это легко списать на последствия аварии, в которой...

– О, боже! – охаю, касаясь пальцами рта, замечая большую кровавую царапину, тянущуюся от виска до подбородка.

Раньше я ее не видела, так как муж стоял, повернувшись

другим боком. А теперь он сменил положение тела, и меня от переживаний за него начинает колотить.

Если Измайлову везут в больницу, пусть на ней нет видимых повреждений, то у Романа удар пришелся в голову, точнее, в висок. Там вполне может быть сотрясение или перелом ребер, или что посерьезней...

Дергаюсь к столу, непослушными пальцами подхватываю телефон и с третьей попытки набираю номер Зотова. Это же не прямой эфир, а запись. Значит, мужа должны были уже осмотреть и выявить опасные моменты. Нужно только дозвониться и...

«Абонент вне зоны действия сети...»

Сообщает механический голос, когда я в третий раз перезапускаю набор номера.

– Черт! Рома! Ну как же так? – бросаю мобильный на стол, чтобы он не выскочил из вспотевших от нервов ладоней и не разбился.

Это точно будет перебор. Если останусь в полном информационном вакууме, я сойду с ума.

Вновь поворачиваюсь к экрану, обхватывая голову руками, чтобы она не взорвалась от кучи вопросов, которые, опережая друг друга, вспыхивают, как искорки.

Где Макс, водитель Ромы? Где охрана? Без них муж редко куда выезжает, только если совсем уж по личным делам.

Что супругу и Измайловой понадобилось в Красном селе в разгар рабочего дня? Вдвоем?

С какой стати Рома так нежно касается щеки Киры, еще и в глаза ей заглядывает?

Нет, последний вопрос – это нервы, конечно, нервы!

Мне просто показалось...

Успокаиваю себя и гашу не вовремя проснувшуюся ревность. Они же втроем друзья – Рома, Кира и ее брат Владислав, компаньон мужа. Это я к ним так и не смогла влиться в дружное трио... потому что никогда не звали, а я не рвалась.

Ладно... не об этом сейчас.

Так как мне найти мужа?

– Все пострадавшие доставлены в девяносто третью городскую поликлинику... – в это время произносит ведущая, а я от радости, что теперь знаю, куда нужно спешить, чуть не взвизгиваю.

На секунду прикладываю ладони к горящим щекам и делаю глубокий вдох и медленный выдох, а потом еще один и еще.

Так, нужно немного расслабиться и успокоиться.

Рома жив. Я своими глазами видела, как он шел к машине.

Сам шел, собственными ногами, а не вели под руки.

Поэтому пью таблетку от мигрени, иначе приступ гарантирован, собираю на всякий случай мужу запасной комплект одежды и еду по указанному в бегущей строке адресу.

Всё будет хорошо!

Глава 2

– Ты же побудешь сегодня здесь, со мной? – раздаётся женский мелодичный голос. – Я так боюсь оставаться одна. Знаешь же, как ненавижу больницы.

Следует тихий пронзительный выдох.

Хмурюсь, притормаживая у не до конца закрытой двери, и поднимаю голову вверх, чтобы убедиться, что это палата номер двадцать три.

Наверное, я ошиблась цифрами. Перепутала на нервах. Хотя странно, медсестра сказала, муж сейчас на втором этаже. В левом крыле и в третьем справа отсеке. То есть... тут. Ладно, спущусь вниз и переспрошу еще раз.

Поворачиваюсь, чтобы уйти, но вдруг...

– Конечно, милая, – отвечает мой муж. – Одну я тебя здесь не оставлю.

Его голос невозможно спутать ни с каким другим. Тихий, слегка сипловатый, будто Роман слегка простыл.

Столбенею.

Во рту скапливается вязкая слюна, но сглотнуть не получается. Как не выходит и сделать шага. Ни вперед, чтобы заглянуть в приоткрытую дверь, ни назад, чтобы уйти и всё-таки уточнить еще раз у персонала номер палаты мужа.

Ну не может же быть, чтобы...

– Обещаешь? А... твоя... она тебя не потеряет? Не станет

делать тебе нервы? – в женском голосе отчетливо слышится нервозность.

– Арина? – от собственного имени вздрагиваю и отмираю. Теперь точно не остается никаких сомнений, что это мой супруг там, за стеной, разговаривает. – Я ей сейчас сообщение скину, чтобы не дергалась. Не волнуйся.

Вытаращив глаза, но ничего не видя перед собой, нащупываю в кармане легкого летнего пиджака телефон и почти на ощупь убираю звук. А через минуту замечаю, как вспыхивает только-только отключенный экран, а на нем высвечивается сообщение.

«Буду завтра утром. Срочные дела в офисе»

До крови прикусываю губу, чтобы не издать ни одного звука, а в голове уже мелькают воспоминания, как часто я видела похожие смс-ки на прошлой и позапрошлой неделе, а еще месяц назад.

Нет, нет.

Мотнув головой, отгоняю дурные мысли. Они – просто друзья, Рома переживает за сестру друга, потому что... наверное, Владислав отсутствует в городе, вот он и заменяет Кире брата. Да, точно, ее голос теперь я тоже узнаю.

– Ромка, я так перепугалась, что мы погибнем... что он пострадает... – всхлип, скрип кровати и шорох одежды заставляют вынырнуть в реальность.

Щеки горят от того, что нагло подслушиваю, но отойти не могу. Там же мой супруг и он...

– Тихо, тихо, моя девочка. Всё будет хорошо. Я уверен, с ним всё в порядке. Сейчас придет врач и подтвердит нам с тобой то же самое. А пока иди ко мне...

Нервы сдают, и я делаю последний шаг, останавливаясь в проеме. Смотрю в палату, большую, светлую, оснащенную хорошей добротной мебелью, но вижу лишь пару.

Назвать Романа и Киру по отдельности не выходит. Они действительно, как пара. Она лежит на кушетке, подняв руку вверх, касается щеки моего мужа. Он сидит рядом, на ее постели, хотя кресло стоит поблизости, и, опираясь на ладони, нависает над девушкой.

Успеваю лишь раз моргнуть, как Зотов начинает склоняться вниз и касается губами губ Измайловой. Это не дружеский поцелуй, а жадный, глубокий, с тихим стоном, полошащим мое сердце до кровавых черкотин.

– Любимая моя, – хриплый голос наотмашь бьет по нервам.

Это не может быть правдой!

Как же так?

Я, наверное, как-то неправильно расслышала.

Ошиблась...

Через тело проходит болезненный импульс. Содрогаюсь.

Он же только утром на почти такие же мои слова отвечал, что никому их не произносит, потому что не знает, что значит любить...

...а спустя несколько часов легко и непринужденно ода-

ривает ими свою... кого?

Коллегу?

Сестру друга?

Подругу?

Бред!

– Ромочка, любимый, я была такая дура, что отталкивала тебя. Что пыталась доказать свою самостоятельность. Что собственными действиями подтолкнула тебя жениться на другой...

Что?

Нет-нет-нет...

Бред!

Не хочу слушать, понимать, осознавать.

Но стою и слушаю.

Каждое признание, как пощечина.

– Тш-шш-шш, всё хорошо, Кирюш, не нервничай. Ты же знаешь, я всё равно только твой. Брак с Ариной ничего не значит, просто ширма, нужная мне для политической карьеры. Ну ты чего, малыш? Не ревнуй, была бы причина...

Ширма? Это он про меня?

Каждая новая фраза бьет сильнее предыдущей.

Дышать становится тяжело. Воздух, будто в пустыне, кажется раскаленным и жутко сухим, забивает легкие, но не насыщает кислородом. Щеки и уши не просто горят, полыхают от стыда и боли.

Теперь я понимаю выражение – кровь в жилах стынет.

У меня она тоже замерзает, превращаясь в азот.

По коже бегут колючие мурашки, а сердце вдруг осыпается мелкими осколками.

Прижимаю ладошку к губам, не в силах выдавить ни слова. И смотрю, как, перебросившись парой фраз, мой муж и его любовница снова увлеченно целуются.

Мимо снуют люди, в окно жарит солнце, через распахнутую створку раздается пение птиц.

А для меня планета останавливается.

Слетает с орбиты и несется прямым в черную дыру.

Хоп! И вокруг непроглядная бездна.

Нападает какая-то апатия. Скольжу взглядом по знакомому лицу, волевому подбородку и острым скулам, считываю яркие эмоции, на которые супруг так редко расщедрился для меня, вижу именно то, что он только что озвучил...

Любит...

Да, ее он точно любит. Так жадно пожирать глазами и боготворить невозможно, если нет чувств.

У него к ней они есть.

А вот ко мне...

Это называется – почувствуй разницу.

Ощущаю себя пустышкой. Невидимкой. Ни Роман, ни Кира не замечают меня. Я стою всего в четырех шагах у приоткрытой двери, но меня не видят и не чувствуют, потому что я для них никто... незначимая помеха...

Меня не существует.

Но я так не хочу!

Шумно втягиваю носом воздух, поднимаю руку, чтобы распахнуть дверь и удивить своим появлением...

Не успеваю.

Сильные руки обхватывают меня. Одна под грудью, вторая закрывает рот. Рывок, пара минут в невесомости. И меня заталкивают в соседнюю пустую палату.

Глава 3

– Что вы делаете? – выкрикиваю, как только получаю свободу и отскакиваю от ненормального, схватившего меня, как живую куклу, подмышки и перенесшего не пойми куда. – Со всем с ума сошли?

Рычу, кипя адреналином.

Мало того, что не могу отойти от увиденного в палате номер двадцать три, так тут уже новые неприятности атакуют.

Все это время я смотрела на свет, поэтому зрение не успевает перестроиться, и тот, кто обошелся со мной нагло и бесцеремонно, кажется всего лишь размытым серым силуэтом, а не четкой личностью.

Но лишь до той минуты, пока не открывает рот:

– Ц-ц-ц, Арина-Арина, – неприятно цокает языком мужчина, и я узнаю в нем Измайлова. – Что же ты, девочка, тут забыла? Зачем приехала?

Родной старший брат Киры делает неторопливый шаг в мою сторону, чем заставляет отступить от двери и податься вглубь помещения. Его тяжелый взгляд давит и, как мокрая одежда, липнет к телу.

– Зачем вы меня сюда притащили, Владислав? – игнорирую его вопросы и задаю свой.

Стараюсь говорить ровно и не выказывать испуга. Но тот, как возник в момент, когда ненормальный схватил меня и

занес в пустую палату, так лишь сильнее возрастает.

Для нервов есть повод. Компаньон моего мужа, явно не намеревается меня отпускать. Холодно усмехнувшись, он захлопывает дверь и неторопливо дважды проворачивает рычаг личины, запирая её.

– Тебя разве не учили, что отвечать вопросом на вопрос – некультурно? – хмыкает.

На губах, как ядовитая змея, проскальзывает и исчезает холодная усмешка, а темные глаза прищуриваются. И пусть руки мужчины убранны в карманы брюк, кажется, будто он меня лапает.

Нагло. Самоуверенно.

Сглатываю и сильнее сжимаю челюсти. При Роме Измайлов никогда себе подобного не позволял. А сейчас... разошелся.

Хочется исчезнуть и как минимум помыться.

Но для начала выйти в коридор. А еще не показать страха.

Да, я не собираюсь его бояться. Не буду, пусть он и старается меня напугать.

– Я приехала к мужу, который попал в аварию, – решаю не припираться, растягивая время, а дать ответы в надежде, что меня после этого отпустят. – Привезла сменные вещи.

Дергаю рукой, привлекая внимание к бумажному пакету с чистой одеждой.

– А кто тебе сказал, что Рома в этой больнице? – следует новый вопрос.

Бесит, что по сути малознакомый человек устраивает форменный допрос и ведет себя со мной нагло и самоуверенно, но после выходки мужа, мало чему удивляюсь.

Похоже, каков Зотов, таковы и дружки. А то, что за два года этого не смогла распознать, только мой просчет.

– Увидела репортаж по телевидению. Там же узнала адрес лечебного заведения, куда повезли пострадавших, – произношу почти ровно, глубоко вдохнув и выдохнув.

Нужно успокоиться и не трястись, а дыхательная гимнастика для этого случая – самое оно. Еще один глубокий вдох и медленный долгий выдох.

То, что мои действия меня успокаивают, а Измайлова, наоборот, бодрят, понимаю, словив его жадный взгляд, зависший на уровне моей груди.

Не смотрят так жадно на жен своих друзей. Не облизывают и не раздевают их плотоядным взглядом.

И ладно бы выпячивала. Была в провокационной майке или чем-то облегающем. Так нет. Блузка, сверху пиджак. Всё прилично.

Становится неприятно. По коже проносятся ледяные мурашки. Лишь усилием воли заставляю себя не передернуть плечами и не прикрыться. Подобное хамство угнетает и корбит.

Охреневший нахал.

Нет, я понимаю, что бог меня, как говорится, грудью не обидел. Полновесная троечка, своя, родная, упругая, краси-

вая. Но борзеть-то не надо.

Не из лесу небось выполз. Вот и держи глаза на привязи!
– Выпустите меня, – вскидываю подбородок, чтобы выглядеть уверенной и независимой. – Я хочу встретиться с мужем, а не терять время... с вами.

Усмехается, но не весело, а как-то пакостно, будто что-то решив.

Жду, что отойдет, но он остается на месте.

– Ты разве не заметила, что он... немного занят? – выдает в итоге.

«Ну да, признается в любви своей любовнице и вашей сестре по совместительству, вылизывая ей рот. Видела», – произношу мысленно, в слух же озвучиваю иное:

– Я не буду обсуждать это с вами.

Демонстративно не реагирую на «ты»-чки и обращаюсь к Измайлову, как к постороннему. Им он собственно и является.

Мне этот «дядя» - не друг.

Никогда не был.

И уже точно не станет.

– Зато я буду..., девочка, – делает ударение на последнем слове, словно хочет показать мою наивность.

Да нет же! Не хочет, а именно показывает. Носом тыкает.

Что ж, признаю: реально до сегодняшнего дня была слепой и доверчивой кулёмой, воспринимая любые слова супруга за чистую монету. И неизвестно сколько бы всё продолжа-

лось дальше, если бы не дело случая.

Ну вот, теперь прозрела. Получила по носу охрененно отрезвляющий щелчок, и очнулась. Поделом, Арина, нельзя расслабляться и доверять, даже близким.

– Послушай бесплатный совет, – отвлекает от самобичевания Измайлов. Его голос меняется, становится тихим и серьезным. Заставляет прислушиваться к каждому слову, – поезжай домой и сиди там тихонько, как привыкла сидеть. Не отсвечивай. Не закатывай Ромке скандалов. Будь милой умницей, как раньше. Так для всех будет лучше.

– Что? – от нелепости «бесплатного совета» у меня глаз дергается.

– Арина, не тупи, – качает головой. – Ромка – твой муж, но от Киры он не откажется. Никогда.

Последнее слово, как оплеуха, бьет наотмашь.

Выходит, тут не разовая акция измены доверчивой жене. А прямо-таки долго и счастливо на два фронта.

Кажется, у меня глаз дергается.

– Почему? – спрашиваю, решая расставить все точки над «i», раз уж собеседник такой разговорчивый.

Сердце колет. Душа в ошметки. Предательство, оно, сучка такое... болезненное дело. Но не шажу себя, уточняю детали, вбиваю гвозди в гроб, где вот-вот будут похоронены все розовые мечты, связанные с Зотовым.

А братишка любовницы моего мужа – молодец, не отказывается, с удовольствием проводит внеурочный ликбез.

– Потому что они друг друга любят.

– Глупости, – отмахиваюсь, – они были знакомы до меня.

И могли бы сотни раз пожениться или просто быть вместе, но...

– Но... поругались... сильно, – перебивает Измайлов. –

Кирка стала чудить, хвостом вертеть. Вот Ромка психанул и женился на тебе. Правильной девочке.

– Нет.

Хочется топнуть ногой.

Крикнуть громко, а не прошептать тихо, чуть задушенно.

Но я этого не делаю, потому что уже ни в чем не уверена. Ни в чем и ни в ком.

– Да, – бьет точно по ране в сердце. – А знаешь, что во всем этом самое главное? – продолжает глумиться. – Моя сестра всегда получает то, что хочет. А сейчас она хочет Зотова.

– Рома – не вещь, – качаю головой, не отводя взгляда.

Не покажу, что удары достигают цели. Перебьется.

– Не утрируй, ты прекрасно меня понимаешь, – одергивает резко.

Честно – не очень. Но признаваться не поворачивается язык.

Да мне вообще все происходящее начинает казаться каким-то дешевым театром. Жестоким розыгрышем, гадким сном, который вот-вот разवेется.

Удивительная штука – мозг. Придумывает бредовые и

глупые идеи, но игнорирует самый очевидный вариант. Потому что не может это быть правдой! Зачем мужу еще кто-то, если он еще утром выглядел всем довольным и говорил, что я замечательная???

Или он имел ввиду, что я замечательная... слепая курица?

Черт!

– Если у них такая идиллия, – растягиваю губы в улыбке, игнорируя, что они дрожат, – то, пожалуй, так и сделаю. Поеду домой и соберу свои вещи, чтобы убраться подальше... от влюбленной парочки.

– Не дури, Арина. Я же тебе говорю сидеть тихо, а ты уже скандалы торопишься закатить. Не надо, девочка. Послушайся совета доброго друга, не дури.

Какой ты к чертовой матери добрый друг?

Хочется крикнуть Измайлову вопрос в лицо, но не хочу нарываться. Он по-прежнему меня пугает.

– Может, мне вообще, по вашему мнению, сделать вид, что ничего не происходит? – не скрываю сарказма.

– Сделай, – кивает на полном серьезе.

А мне страшно становится.

Он же не шутит. Он уверен в своих словах. Ужас.

– И кем я после этого буду? – вопрос сам собой срывается с губ, хотя заранее догадываюсь, что ответ не порадует.

– Той, кем и была до сегодняшнего дня. Удобной женой.

Меня еще никогда не били по лицу словами.

Сейчас происходит именно это.

Удобная жена – вот оказывается кем я являюсь.

Обалдеть, как носовой платок. Он же тоже удобен и нужен. Временами.

Мерзко и во рту кислит.

Ан-нет, это я щеку изнутри до крови прикусила, чтобы не зареветь.

Не покажу боли.

Ни ему.

Ни мужу.

Ни их обожаемой Кире.

Никому из этих троих ничтожеств.

Глава 4

«...любимая моя...»

«...всё хорошо, Кирюш, не нервничай. ты же знаешь, я всё равно только твой...»

«...брак с Ариной ничего не значит, просто ширма, нужная мне для политической карьеры. Ну ты чего, малыш? Не ревнуй, была бы причина...»

Весь вечер слова Зотова, как заезженная пластинка, крутятся в голове. Гудят, шумят, вибрируют, тревожат, заставляют истаптывать кухню и гостиную в поисках места, где можно приткнуться, чтобы ослабить боль. Пока вокруг вдруг не устанавливается гробовая тишина, словно на похоронах, в минуту молчания.

А потом тишина сменяется криком.

Громким, пронзительным, оглушительным криком, который раздаётся где-то внутри меня. Мне очень больно от этого крика. Так больно, что я сгибаюсь пополам, стону на одной ноте и медленно опускаю голову на стол. Прижимаюсь щекой к полированной холодной столешнице и жалобно мычу.

Грудь перехватывает. Хочется вдохнуть, но не могу, словно разучилась. И это не образное выражение. Я реально задыхаюсь. Вскрываю в панике, хватаюсь за горло, хапаю открытым ртом, распахиваю настежь окно, впуская свежий воздух и поглощаю его маленькими глотками.

А в голове сама собой рисуется картина, где Зотов и Измайлова вместе. Они жадно самозабвенно целуются, обсуждают лишь им двоим понятные темы, смеются, и счастливо пребывают в своем уютном мирке на двоих, касаясь друг друга как люди, которым дозволено всё.

Почему он со мной так поступает? Зачем? Для чего? За что, в конце концов? Как долго изменяет? Кира у него первая или очередная? Когда это началось? Или он изменял мне всегда? Задаю сама себе эти вопросы. Беззвучно произношу их, еле шевеля пересохшими губами.

В какой-то момент вдруг понимаю, что слабовольно не хочу знать ответы. Ни на один. Я ничего не хочу знать. Хочу все забыть, развидеть, потерять память, лечь спать и проснуться рядом с мужем, ничего не зная и не руша свои собственные иллюзии. Я, как трусишка, хочу спрятаться и жить в этом обмане вечно.

Но только так уже не получится. Чтобы все забыть, не чувствовать боль и отвращение, мне нужно умереть. Только мертвая я прекращу что-либо чувствовать.

Подхожу к каминной полке, на которой в серебряной рамке стоит наша свадебная фотография. Внимательно рассматриваю каждую деталь, будто всё для меня ново, и уношусь в день, который каждая девушка в своей жизни считает самым счастливым.

Да, я выходила замуж по любви. Еще бы, в красивого, успешного, уверенного в себе мужчину влюбилась сразу. Мы

познакомились в гостях у моего дяди. Тот устроил прием в честь, как он говорил, воссоединения семьи. Чуть больше двух лет назад.

Дело в том, что мои родители погибли молодыми. Меня воспитывал дед. Строгий, но справедливый человек. Стараюсь его не разочаровывать, я с головой отдавалась учебе. Школа с медалью, диплом о педагогическом образовании с отличием. Вся в учебе и книгах, я совершенно не завидовала своим сверстникам, которые большую часть времени тратили на гулянье и клубы. Молодость, на то она и молодость. Просто мне этого особо не хотелось. Меня больше тянуло к детям.

Два года назад, в феврале дедушка умер. И только на похоронах я узнала, что осталась не круглой сиротой, а у меня есть родной дядя. Старший брат отца, с которым почему-то родственники не поддерживали связь. А я вот не стала отказываться.

Григорий Иванович мне понравился. Немного эксцентричный и шумный, тем не менее, он оказался начитанным, образованным и открытым. Он провел в моем родном городе три недели, и за это время очень помог. Не только финансами, но и тем, что взял на себя многие вопросы с оформлением документов. А после ловко уговорил сдать жилье в аренду и переехать к нему в Санкт-Петербург.

К тому моменту работы я еще не нашла. Думала, проживу недолго. Погощу.

Не зря говорят: ничего нет более постоянного, чем временное. В свой родной городок под Тверью я так и не вернулась.

Да и когда бы? В конце марта я узнала, что у дяди рак. Четвертая стадия. Шансов нет. Срок идет не на годы, и даже не на месяцы, а недели. Но Григорий Иванович свои боли тщательно скрывал, ото всех. И только ради меня устроил званый вечер.

Тогда-то я и узнала, что он не совсем простой человек. Коллекционер. Поистине, сумасшедший. Вращающийся среди элиты.

В тот же вечер познакомилась с Романом Сергеевичем Зотовым.

Не знаю, как бы в других условиях развивались наши с ним отношения, но болезнь дяди подтолкнула Рому к серьезному шагу... а может, это сделал мой неприступный вид и опрокинутый ему в лицо бокал шампанского на предложение хорошо провести веселую ночь только вдвоем...

Зотов сделал мне предложение через месяц после знакомства, а уже в июне мы расписались. Дядя успел за меня порадоваться... а потом я осталась одна. Ах, нет с мужем.

Роман не обещал звезд с неба, признался, что не знает такого слова, как любовь, но, наверное, что-то подобное ко мне испытывает, потому что его переполняет ко мне нежность, желание заботиться, холить и беречь.

Он обещал быть мне мужем, любовником, другом. Опо-

рой и поддержкой. Человеком, который не станет на мне экономить, не обидит и не предаст, но будет поддерживать и стараться понять и помочь.

Я, влюбленная, растворялась в его словах, плыла на волнах его вибрирующего бархатного голоса, тонула в глубине его глаз и безоговорочно верила.

Теперь всё это оказывается фальшью.

Лицемерием.

И циничной ложью.

Подхожу к комоду, где почетное место занимает декоративный куб, и со всего маха бью по нему фоторамкой. Разбиваю свадебное фото вдребезги. Крошу стекло точно также, как этим днем разбилась вся моя сказочно-правильная жизнь. Но даже добравшись до бумажной фотографии, не останавливаюсь, рву ее на мелкие части и закидываю в камин.

Весь вечер, ночь и утро длится моя агония. Оказывается, я не умею медленно и драматично умирать, загибаясь от боли, рыдая на кровати и утирая слезы. Хотя довольно впечатлительна и легко могу расплакаться, слушая, как детишки в школе-интернате старательно проговаривают сложные для них слова, читая наизусть стихи.

Слез вообще нет. Ни слезинки, хотя сердце кровоточит. Себе-то врать глупо. Но душа рвется в бой, требует вандализма и мести.

И я ее вершу так, как умею.

Разжигаю в гостиной камин, забывая на то, что на улице лето и жара, и планомерно скармливаю прожорливому огню своё свадебное платье, свадебный альбом, семейный альбом. Даже подвязку, которую Роман стягивал с моей ноги зубами, даря первые откровенные поцелуи, не жалею. С рыком бросаю в пламя.

Два года брака — очень мало, а мне кажется, я сжигаю не их, а всю свою жизнь. Я всегда думала, что есть МЫ, а оказывается был лишь ОН, Зотов, и я в качестве его тени.

Он всё это время жил полной жизнью и ни в чем себе не отказывал. А я боготворила его, дышала им, смотрела безумно влюбленным взглядом. Я жила только ИМ.

Удобная, мать его, жена.

БЫЛА.

Глава 5

– Почему ты здесь, а в не в спальне?

Зотов стоит в дверях, подпирая плечом косяк, и смотрит прямо на меня.

В какой-то момент, на долю секунды, испытываю неловкость, потому что он весь такой шикарный, мужчина с иголочки, свежий, причесанный, а я, только-только проснувшаяся, явно выгляжу не ахти. Заспанная, растрепанная и с покрасневшими от бессонной ночи глазами.

Но следом приходят воспоминания, где и с кем провел ночь мой муж, и бредовые мысли испаряются прочь.

К черту!

Не нравлюсь. Так даже лучше. Быстрее разрешим все вопросы и разбежимся.

– Ну ты же умный, Рома. Догадайся сам, – хмыкаю, меняя горизонтальное положение на вертикальное, и откидываюсь на спинку дивана.

Голова ватная, в ушах стоит тихий противный звон, в глазах пелена, но я ее усердно смаргиваю и настраиваюсь на разговор.

– Гостевая. Самая дальняя от нашей спальни. Тебе тут нравится?

Зотов медленно осматривает комнату, будто ему реально интересно, какие обои в ней поклеены и какая мебель стоит.

А я смотрю на него. По-новому. Без тех самых розовых очков, которые сама себе нацепила, а он, явно забавляясь над моей наивностью, это позволил.

Нет, внешне он всё тот же холёный красавец. Лживый по-таскун Рома в душе.

– Это временно, – заправляю волосы за уши, чтобы не мешали, и перевожу взгляд на часы. Начало второго... неплохо. Три часа поспать удалось.

Я ожидала, что он появится дома с самого утра, как обещал в сообщении. Но ни в восемь, ни в девять, ни даже в десять часов не явился. А в начале одиннадцатого меня сморил сон.

– Временно относительно чего? – серый взгляд, устав блуждать по комнате, возвращается ко мне.

– Относительно моего пребывания в твоём доме, – ответить получается ровно. Да, в душе ещё потряхивает от предательства, но внешне стараюсь это скрыть. – Я хочу развестьсь.

– Нет.

В тишине комнаты этот ответ звучит странно весомо и лаконично, но я, настроенная не на переговоры, а на завершение наших отношений, не замечаю, ни острого блеска в недавно обожаемых глазах, ни как четче обозначаются желваки на впалых скулах.

– Что?

Вопрос вылетает чисто автоматически. В мыслях я уже

распланировала всю последовательность действий и то, как буду жить дальше.

– Я говорю: нет, Арина. Никакого развода не будет. Выкинь эту глупую идею из головы.

– Что? – повторяю, как попугай. Из глубины души рвется жуткий смешок, и я его не сдерживаю. – Ты шутишь? Зотов, очнись. Я знаю про тебя и Измайлову. Честно, сначала, когда увидела, не поверила, думала, дебильный розыгрыш, но твой заботливый друг подтвердил и просветил подробнее. Так вот, ни твоей ширмой перед выборами, ни удобной женой, которая терпит гулянки мужа, я быть не собираюсь. Ищи себе другую дуру, ее и обманывай.

– Арина, ты была и останешься моей супругой, – тяжелый взгляд прошивает насквозь, пригвождает к месту, заставляя похолодеть. – Я женился не для того, чтобы разводиться. Запомни это. Не вынуждай от обычных слов переходить к угрозам.

– Угрозам? – во рту резко пересыхает.

– Попробуешь написать заявление на развод, и твой обожаемый дом для детей-сирот, о котором ты так печешься, а я спонсирую тебе на радость, быстренько из образцового превратится в отстойный. Или, – хмыкает, – расформируется.

Удар четко достигает цели. Бьет под дых. А я ведь думала, что раз сирота, то не имею слабых точек.

Ошиблась. Рома всё предусмотрел.

– Ты готов вредить детям и так лишенным материнского

тепла ради...

– Ради нашей с тобой семьи! – перебивает резко. – Ради нашего будущего.

Смотрю на Зотова, но вижу чужака. Пугающего. Бескомпромиссного. Со стужей на каменном лице.

– Бред! Какая семья? Какое будущее? – повышаю голос, но быстро сдуваюсь. Знаю, что муж не любит криков. – Приди в себя. Ты меня не любишь, Рома. Отпусти.

– Зато ты любишь меня, – хлестко, уверенно. – Прекращай истерику.

Мотаю головой. Последние сомнения, что я любила мираж, а не человека, стоящего напротив, исчезают на глазах.

– Ну раз тебе на меня наплевать, пожалей свою Кирочку, – предпринимаю попытку добиться желаемого с другой стороны. Противное имя наглой бабы режет язык, но я готова на всё, только бы выторговать свободу. Особенно теперь, после угроз, которыми Зотов никогда просто так не разбрасывается. – Иди и живи с ней. Спи с ней. Ври ей про семью, общие интересы, долго и счастливо.

– Жить я буду с тобой. А вот спать с обеими.

– Издеваешься?

От шока голос проседает. Веко дергается и шею сводит спазмом.

То, что озвучивает му... Зотов вызывает не отторжение, дикое неприятие и ужас.

– Нет, не издеваюсь, – отвечает совершенно спокойно, –

говоря, как есть. Арина, поверь, мне действительно жаль, что ты узнала про Киру так рано. Но, раз уж так вышло, давай я расскажу, как мы будем жить дальше.

– Мы, – выделяю местоимение голосом, – жить вместе не будем. Ни в какую шведскую семью играть я не подписывалась. И вообще, Рома, ты сам себя слышишь? Может, еще ее в этот дом приведешь и пресс-конференцию устроишь. А что? Она сядет с левого бока, я с правого... – хмыкаю на волне истеричного веселья. – Так и вижу заголовки в прессе «Роман Зотов – султан, имеющий двух жен». Миленько, правда? Твои избиратели явно оценят.

– Всё сказала?

Ледяной голос мерзавца-супруга четко призывает убавить эмоции и подчиниться, точнее, заткнуться, но куда там?

Нет, меня несет вперед. Грудью на амбразуру.

– А что тебе не нравится? – язвлю, потирая висок.

В голове уже не просто пульсирует, там дятлы настоящий бунт устраивают. Долбят, и долбят, и долбят по вискам. Мигрень атакует. Если прямо сейчас не принять обезболивающее, чуть позже наступит полный апокалипсис. С тошнотой, рвотой и, не дай бог, нарушением равновесия, координации движений, речи или зрения.

Это не предположения, такие приступы уже случались. Когда умер дедушка, потом дядя. И вот Роман дарит новый повод загигать от боли. Но уже не сердечной, а головной.

– Что значит: я узнала про Киру рано? А по-твоему, когда

должна была? Через месяц? Год? – перепрыгиваю на то, что царапнуло слух.

– По-хорошему – никогда, – откликается Зотов.

Он проходит внутрь комнаты. Останавливается у окна и упирается кулаками в подоконник. Сосредоточенный и натянутый, как струна.

– Хотел с ней всю жизнь зажигать, а меня за дуру держать? – кидаю предположение. – Так зачем всех мучить, Рома? Давай разведемся, ты даже можешь обвинить меня в несостоятельности, как твоей супруги, я переживу. А сам бери и женись на своей любимой девочке, – кидаю ему в лицо его же слова.

А может, себе. Чтобы не забывать, как легко меня предал тот, кто обещал заботиться и беречь.

– Не могу всю жизнь, Арина. Кира смертельно больна. Врачи ей поставили срок – год, полтора. Но то, что она... забеременела.

Эта новость кувалдой бьет по темечку. В глазах темнеет, и на несколько секунд мне становится страшно, что я совсем ослепну. Моргаю, моргаю. Но пелена не спешит растворяться, а предметы обретать нормальные очертания.

Паникую. Упираюсь локтями в колени и начинаю медленно и глубоко дышать, прогоняя паническую атаку.

Всё хорошо.

Всё хорошо.

Я справлюсь.

Вдов – выдох. Вдох – выдох. Вот так.

Теперь многое встает на места. И тот разговор между Измайловой и моим мужем о ком-то третьем видится иначе. Признаюсь, похожая мысль в голове мелькала, но я ее откидывала, как бредовую.

– Беременность свела срок ее жизни до минимума. Родов Кира не выдержит.

Боль в голосе Зотова пробивается сквозь мою агонию и отвлекает. А он действительно любит Измайлову, понимаю я истину. Он за нее переживает.

– И зная это, она все равно не отказалась от ребенка? – спрашиваю тихо. – Не сделала аборт?

Роман не отвечает на риторический вопрос и произносит иное.

– Кире нельзя нервничать, Арина. Поэтому по возможности всё свободное время я буду проводить с ней, но на нашу с тобой семью это никак не повлияет.

Хочется засмеяться в голос и спросить: «Рома, ты идиот, если думаешь так? Оно уже влияет. Я на тебя смотреть нормально не могу. Корежит. Хочется ударить, а потом помыть руки. С мылом. Три раза».

Только спрашиваю иное.

– А что будет с ребенком?

– Мой сын будет жить с нами, – теперь в голосе Зотова звенит непоколебимая уверенность. – Точнее, наш сын. Арина, ты его примешь, как своего. Станешь ему матерью. Ты же

всегда мечтала о собственном ребенке. Полгода назад даже хотела усыновить. Я помню наш с тобой разговор в детском доме, который так усердно заставляешь меня спонсировать. Так вот, твоя мечта сбудется. Через четыре месяца у нас появится сын.

Есть такое выражение: волосы на голове дыбом становятся.

Со мной происходит именно это.

Назвать свое состояние шоком – не поворачивается язык. Он у меня немеет от тех фактов, что так спокойно вываливает Роман.

– Я его не приму, – шепчу еле слышно. – Никогда.

Бред!

Всё, что говорит Зотов, – полный бред.

– Примешь. Возьмешь на руки. Прижмешь к груди, вдохнешь сладкий запах молока и присыпки и полюбишь. Я тебя знаю. Ты добрая, чистая, светлая. Ты станешь самой лучшей мамой для нашего ребенка.

Мой муж реально верит в то, что говорит.

– Нет, Рома, нет, – мотаю головой. Какая к черту мигрень, я про нее забываю, – Это полная чушь. Я на такое не подпишусь.

– Когда там у Ивановой операция назначена? – меняет тему Зотов. – Через неделю, если не ошибаюсь? Без вмешательства хирургов двухлетняя девчонка не сможет ходить, так? Нужно для этого несколько миллионов, которые выде-

ляет «Алмаз-Х». Или есть другие источники? – муж бьет каждым словом. Вот и обещанная угроза. – Много ваш благотворительный фонд собирает?

Краснею. Нет, не много. Избыток просьб о помощи больным детям в сети и на телевидении, кажется, сыграл дурную службу. Когда из всех мест каждый час стало раздаваться одно и то же: «Дорогие благотворители... дорогие благотворители...», люди словно почерствели и сократили помощь.

Хотела бы я ошибаться, но...

– Рома, ну это же полная ерунда. Я не беременна, – пытаюсь достучаться до мужчины по-хорошему, без ора и нервов, – не понимаю, как ты собираешься всё проворачивать.

– Очень просто. Через две недели ты улетишь к морю, на отдых. Там якобы задержишься из-за здоровья. А вернешься уже с ребенком. Я буду тебя навещать. Всё продумано, Арина. Проблем с документами не будет. Все посчитают Тимура твоим сыном.

Но не я.

Я не посчитаю.

Господи, я люблю детей. Всей душой. Клянусь. И в ситуации с Зотовым и Измайловой головой понимаю, что их ребенок ни в чем не виноват. Он не выбирал, как и у кого родиться, но сердце...

Моё сердце не примет малыша. Уже сейчас понимаю.

Может, зря меня считают доброй? А я ссука еще та? Но зато честная.

Я не приму ситуация, когда ломают и вынуждают идти против собственных убеждений.

– Ти-мура? – не могу без запинки выговорить имя.

Что угодно, только бы не молчать. И не обзывать Зотова полоумным тираном.

– Да, Кира хочет назвать его так. Я обещал.

Кира... Кира... Кира... везде Кира...

В голове вновь начинает пульсировать.

Кажется, у меня вырабатывается стойкая аллергия на это имя.

– Мне нужно принять таблетку, что-то голова побаливает, – резко поднимаюсь с дивана и тут же хватаюсь за спинку. Пережидаю, когда темные круги перед глазами разойдутся, и я смогу сделать шаг, не опасаясь упасть.

– Конечно, иди, – дает разрешение Зотов, – к вечеру нас ждут у Семеновичей. Нужно, чтобы ты к тому времени была здорова.

Констатация факта, а не просьба.

И почему раньше я не замечала, что нежность Ромы ко мне всегда дозирована?

Глава 6

– У тебя руки холодные, – Роман касается моих сцепленных в замок ладоней, нагло одну присваивает и укладывает себе на колено, слегка поглаживая.

– Да? Не заметила, – отвлекаюсь от проносящегося за стеклом автомобиля пейзажа и выпрямляюсь.

Смотреть на Зотова нет ни сил, ни желания. А еще очень хочется выдернуть руку, чтобы он меня не трогал, и отключить чувства. Большая их часть сгорела прошлой ночью, но, к сожалению, не все. За два года совместной жизни накопилось слишком много воспоминаний, хороших, когда Рома не был мерзавцем, и вот они еще слегка бередят душу.

Нет, я отчетливо понимаю, что возврата к прошлому не будет. Да и не нужно оно мне. Образ прекрасного мужчины разбился вдребезги. Я повзрослела и осознала, что за всё в этой жизни надо платить. За возможность помогать детям. За стремление оставаться самой собой. И даже за свободу.

– Роман Сергеевич, вы у Семеновичей долго будете? Мне бы сгонять до шинки, проверить заднее колесо. Кажется, оно немного гуляет, надо бы болты подтянуть, – водитель отвлекает шефа на себя, а получив ответ, еще что-то уточняет.

Я же потихоньку вытягиваю из цепких пальцев свою руку. Не нужны мне «щедрые» подачки заботы. К чему представление, если оба знаем, чье место я занимаю, и кого бы

Рома действительно желал сейчас видеть рядом с собой.

Зотов маневр замечает, стреляет в меня прищуренным взглядом, но я не пасую и задаю вопрос, ответ на который по сути не особо волнует, но переключает его внимание:

– Какой сегодня повод для организации сабантуя?

Я бы с большим удовольствием посидела дома и почитала книги, чем, вырядившись в очередной шедевр портновского искусства, тратила время на общение с людьми, которые мне определенно не интересны.

– Кхм, кажется, их старшей дочери пять лет, – хмурит брови Рома, – или сыну?

Хмыкаю. Ну, конечно, мальчик, девочка, какая нафиг разница.

– Ну и зачем нас пригласили, если мы ребенка ни разу не видели? – задаю закономерный вопрос. – Лучше бы ее настоящих друзей позвали, порадовали.

– Ради связей, Арина, и налаживания контактов, – звучит поучительное, но через минуту муж добавляет уже мягче. – Уверен, детям праздник тоже устроят, но отдельно. Просто сегодня гуляют взрослые.

Неплохо гуляют, убеждаюсь спустя двадцать минут, когда прохожу к огромному накрытому деликатесами столу, где практически все уже собрались. Кроме стульев для нас пустуют еще два наискосок. Но холодок по спине бежит по другому поводу.

Прямо напротив наших мест сидят брат и сестра Измай-

ловы. И если Кира не сводит жадного взгляда с моего пока еще мужа, то Владислав залипает на мне. Рассматривает нагло, с ухмылкой и одновременно подначкой.

Липкая, противная жаба. Чтоб тебя бородавками обкидало!

– Всё в порядке? – Зотов касается спины, заставляя вздрогнуть.

Поворачиваю голову в его сторону, смотрю в совершенно спокойные глаза, обалдеваю.

– Издеваешься? – произношу одними губами.

Хочется шипеть и плеватьс ядом. Но мы же в обществе, что б его! И я, как на зло, яд дома забыла.

– Думаешь, я лично звонил Семеновичу и просил посадить Киру поближе?

Голос Романа привычно сипит, на губах блуждает улыбка, не дай бог, кто подумает, что мы ругаемся, а вот глаза смотрят остро. Предупреждающе: «Закатишь скандал, пожалеешь».

Нет, милый, не закачу.

Не такая я уж и дура, хотя все задатки для этого имею.

Понимаю. Очень хорошо понимаю, что вынеси я сейчас шашни Ромы на суд общественности, да даже прополощи его похождения в сети, и... да, есть огромная вероятность, что из кандидатов в депутаты он вылетит, как пробка из бутылки.

И всё же... лишь вероятность.

Нельзя сбрасывать со счетов, что мои возможности ограничены, а вот Зотова велики. У него власть, деньги, хакеры, умеющие подчищать лишнее, и все пиарщики, которые легко продаются и покупаются.

Но причина того, что я сижу и глотаю то, что подсунул мне «любимый» супруг, в другом. Во-первых, это операция на позвоночнике для Ксюши, без которой девочка не сможет ходить. А еще, как ни странно, пока не рожденный ребенок Романа. Как бы я не ненавидела Зотова и Измайлову, вредить их будущему сыну... не готова. Знать, что из-за меня его имя начнут трепать раньше, чем он появится на свет... нет, ни за что. А если мой поступок еще спровоцирует обострение болезни Киры и выкидыш...

Тьфу-тьфу-тьфу. Ни за что!

Лучше я поищу другой способ избавиться от замужества и будущего «материнства».

– Его только тут не хватало, – злобный шелест со стороны Романа заставляет отвлечься от собственных размышлений и сосредоточиться на новоприбывших.

– Руслан Германович, просим-просим, только вас и ждем...

Как несколько минут назад нас, также благосклонно хозяева вечера встречают и Арбатова с его пассивностью. Обмениваются любезностями, принимают конверт с «подарком» и провожают гостей к столу, к тем самым местам, что расположены от нас наискосок.

Мне не нужно смотреть в сторону Романа, чтобы почувствовать его звенящее гневом напряжение. Новоприбывший – давний его конкурент в сфере бизнеса, сумевший, как говорит сам Зотов, наглостью и обманом сорвать у него несколько важных сделок, увести из-под носа огромный лакомый кусок земли промышленного назначения, а теперь еще и податься в депутаты...

О, Руслан Арбатов – это огромная кость в горле Романа Зотова. Которая, зараза такая, мешает, вредит, бесит, но и избавиться от нее невозможно. Руки не дотягиваются. Высоко сидит Руслан Германович.

– Опять новую куклу с собой приволок, кобель недоделанный.

Новая реплика мужа достигает ушей и заставляет усмехнуться.

«Ну да, ты-то у нас постоянный, – отвечаю ему мысленно. – Всего-то одна жена и одна любовница за общим столом. Скромняжка-потаскун».

Но в сторону опоздавших смотрю.

На Арбатова мельком. К его брутальной, но привлекательной для меня внешности тяжело привыкнуть. Бритоголовый детина ростом, наверное, под метр девяносто. Шикарный, одним словом.

А вот девушку изучаю пристальней. Ничего такая. Стройная, длинноногая нимфа лет двадцати с хвостиком. Кошачья грация, обтягивающее коралловое платье, натруженный рот

и феерические опалахала вместо ресниц. Зато фигура – бомба. Мечта многих.

– Арина, – Зотову не нравится моё внимание к паре Арбатова, и он тут же его пресекает, вовлекая меня в разговор с соседом слева.

Вечер тянется, как обычно. Медленно и скучно, если игнорировать тяжелые взгляды обоих Измайловых. Беседы в основном ведутся о детях. Как-никак про именинницу иногда вспоминают. Более важное откладывают на время «подышать воздухом». Я большей частью отмалчиваюсь. Успеваю отведать пару ложек салата с авокадо и, кажется, две тарталетки с лососем, когда прилетает вопрос, заставляющий замереть.

– Арина, а вы с Романом не планируете обзаводиться наследником?

Медленно опускаю приборы на край тарелки, поднимаю голову и упираюсь взглядом в стервозную улыбку гадюки.

=====

Приглашаю в еще одну мою Сделку "Чужой жених. Нам нельзя" <https://litnet.com/shrt/9qfI>

Мне казалось, мы оба влюбились с первого взгляда. Цветы, прогулки, разговоры. Нежность в каждом движении, забота, ласка. Огненная страсть на прохладных простынях.

 А потом он исчез.
 Мы встретились за десять с лишним тысяч километров от Москвы спустя несколько месяцев.

Я по-прежнему свободная и чуть-чуть беременная. А он – он чужой жених.

=====

Глава 7

«Обзаводятся четвероногими питомцами, а детей рожают, – кинуть это в лицо размалеванной брюнетке не позволяет рука мужа, накрывающая мою, сжатую в кулак.

Ссука, какая же наглая ссу...

Сидит, скалится, разыгрывая перед всеми невинную простоту, но, заметив телодвижение Зотова, на секунду теряет маску расслабленной невозмутимости. Ее бесит, что мой муж меня касается. И пусть понимаю, что этот жест призван не защитить, а заставить молчать, испытываю некое удовлетворение.

Кушай, стерва, не обляпайся!

– Всему своё время, Кира, – Зотов отвечает, сверкая белоснежной улыбкой. Его ладонь так и не отпускает мою, еще и поглаживать принимается.

Не знаю, что во взгляде любовника читает Измайлова, но я ощущаю, как она сдувается, теряя задор:

– Конечно, Роман, – деланно улыбается. – Просто вокруг столько беременных... а вы уже, если не ошибаюсь, два года женаты...

Обводит присутствующих мимолетным взглядом, ища поддержки.

Находит.

Наш разговор привлекает внимание. Чувствую, что на нас

смотрят. Кто-то открыто, кто-то из-под ресниц, незаметно. Наблюдают, оценивают, делают выводы, запоминают. Еще бы, такой повод подцепить компромат, а позже, собравшись клубками змей, обмусолить сплетню со всех сторон, перебрать детально каждый жест, взгляд, слово, припоминая всё новые и новые подробности... или придумывая собственные.

Смотрите-смотрите, мне не привыкать.

Не пасую. Подбородок держу высоко. На лице изображаю легкую заинтересованность. Но сдерживаться сложно, особенно тяжело не ерзать и не смотреть в сторону, где сидит давний заклятый враг мужа.

Энергетику Арбатова, сильную, давящую, осязаю на ментальном уровне. Знаю четко – он наблюдает за представлением. Внимательно и вместе с тем равнодушно, как делает практически всё. Но его тяжелый темный взгляд ни с каким другим нельзя спутать, он иной. Пресыщенный. Так смотрят люди, имеющие всё... и всех, если на то есть желание.

– Мы женаты не «уже», а «всего» два года, – четко разделяет слова Рома, и я, хорошо ориентирующаяся в изменениях его тембра, отчетливо понимаю, он злится. Сильно.

Ну еще бы. Быть в центре внимания, давать интервью и выступать на публику по запланированному графику и заранее проработанной теме он любит. Отбиваться от вопросов с двойным дном – не особо.

А тут любовница отжигает.

Ну ничего, пусть тренируется... будущий депутат, чтоб его.

И он тренируется. Жалит свою пигалицу в ответ.

– У нас, Кира, вся жизнь впереди. Успеем и сына родить...
– Зотов выдерживает мимолетную паузу, но и ее хватает, чтобы Измайлова побледнела, – и дочку. Да, милая?

Роман поворачивается ко мне и смотрит нежно, ласково.
Ждет поддержки с моей стороны.

И глазами обещает все кары мира, если я что-то ляпну, не подумав.

Ух, как его пробрало!

– Конечно, милый, – соглашаюсь, растягивая губы в улыбке.

Пожалуй, в такие игры я тоже немного играть умею.

Ну или буду учиться... по ходу дела.

– Если будет мальчик, непременно назовем его Тимуром. Ти-мур-чик, правда, красивое имя? – подмигиваю Зотову и через секунду отворачиваюсь, подтягивая к разговору откровенно развесивших уши слушателей и хозяев вечера. – Звучит же? Р-р-рычит, выдает характер. Или, – продолжаю без паузы, делая вид, что задумалась, и вновь поворачиваюсь к мужу, – давай лучше назовем сына Русланом. Руслан Романович. Идеально, согласись? И намного лучше Тимура. Да, Тимур нам определенно не нужен.

Экспромт удастся.

У Зотова только что желваки на щеках не перекатываются.

ся, но напряжен он основательно. Об острую линию скул порезаться можно.

А ты как хотел, Ромочка? Чтобы ты со свое шл*шкой меня с грязью мешал, а я улыбалась и добавки просила?

Нет, не выйдет.

Если будем «пачкаться», так уж все вместе.

Чего не ожидаю, так это того, что тема обсуждения имен найдет жаркий отклик со стороны остальных. За столом даже некий спор возникает, но апогеем становится реплика соседки Романа справа, женщины лет шестидесяти с небольшим.

– Ох, согласна, Ариночка. Руслан – прекрасное имя. Звучное, волевое. А вы знаете, что оно обозначает льва? Царя всех зверей. Да-да-да, мои дорогие. У меня дед был Руслан. Ох, какой мужчина. Настоящий полковник. Статный, мужественный. Хотя... зачем далеко ходить? Посмотрите на Руслана Германовича, – холеная ручка красиво направляет взгляды всех без исключения присутствующих в сторону Арбатова, – вот он у нас, красавец. Истинный мужчина. Лидер. Глаз не отвести.

Боже. В какой-то момент ожидаю, что у Зотова из ушей пар пойдет, потому что скрип зубов я слышу отчётливо.

Но страха за свою выходку нет, зато смех еле сдерживаю.

Неплохо вышло. Вот и враг мужа пригодился.

Если честно, про него не думала, когда имя ребенку предлагала. Ляпнула наобум, но попала в яблочко. Пусть немного, но характер показала.

Удобная жена, Рома?

Ага-ага, жди больше.

Еще спустя полчаса, когда мужчины уходят на перекур, а женщины перебираются в гостиную, отлучаюсь в уборную. От бесконечных улыбок сводит скулы, да и головная боль опять напоминает о себе легкой пульсацией. Хочется немного перевести дух и расслабиться.

Не позволяют.

Кира походкой королевы подходит к зеркалу, возле которого я споласкиваю руки, и, достав ярко-красную помаду, обновляет макияж.

– Слушай ты, мышь бледная, это что за представление за столом было? – бросает она в никуда. – Оскорбить меня решила? Думаешь, Рома тебе спустит с рук мерзкую выходку? Зря надеешься, жёнушка, – выплевывает последнее слово. Вот только верится с трудом, что оно ей не нравится. Уж скорее Измайлову зависть берет, что не она этот титул принадлежности Роме носит. – Он сегодня ко мне поедет, ясно тебе? И уж я его научу, как болтливых баб нужно в узде держать.

Пока Измайлова упражняется в колкостях, продолжаю медленно споласкивать руки.

Ну раз хочет дама выговориться, пусть. Зачем больному человеку отказывать? Тем более, самой в ее наглые глаза посмотреть хочется.

Совость там найти... или хотя бы ее зачатки.

А вода успокаивает, да, мысли упорядочивает.

– Ну, во-первых, девушка с рыжими волосами априори не может быть бледной молью, – произношу медленно и с ухмылкой, а-ля, какая ж ты, Кира, дура недалекая, когда она замолкает.

Судя по заалевшим щекам, любовница мужа посылом проникается.

– Вот-вторых, ты-кать мне не надо. У меня имя есть. Арина Осипова. Если память подводит, могу подарить визитку. Или у МОЕГО мужа попроси, когда увидите, – трачу массу сил, чтобы не показать, как меня потряхивает от стервы, но ура! Ура!, голос звучит ровно. – В-третьих, быть женой почётно. Даже, если муж – мудак, жена всегда остается женой. А подстилка – шлюхой. В-четвертых, буду рада, если Рома останется, у тебя. Честно. Хотя бы выплусь нормально. Ну и, в-пятых, Кирочка, кичиться тем, что ты выполняешь роль девки для утех, так себе удовольствие. Еще и временное. Разводиться-то Ромчик со мной не хочет.

Ожидаю, что Измайлова взорвется, ринется мне волосы выдирать или драться полезет. Но нет, дамочка тоже не промах.

Она демонстративно кладет руки на талию и натягивает ткань широкой шифоновой юбки так, чтобы её уже слегка округлившийся животик был хорошо виден.

– Я – мать Роминого наследника, дура! А ты – лимита подзаборная. Если бы не твой чокнутый дядька, известный своими автомобилями на всю страну, Зотов на тебя даже бы не

взглянул. Кстати, а почему у тебя не его фамилия? Неужели Ромка зажал?

Киваю. Верно. Если бы не приехала в Питер, с будущим мужем точно бы никогда не встретилась. Разный статус у нас был, и ноль точек пересечения.

А что фамилии касается, я сама решила оставить свою. Как память о родителях и о дяде, подарившем новую жизнь.

– Кира, а ты точно неизлечимо больна? Может, притворяешься? Что-то слишком шумно и нагло себя ведешь с той, кому собираешься в будущем доверить сына, – слова сами слетают с губ, но я о них не жалею.

Подставлять правую щеку, когда ударили по левой – нет, не согласна.

А вот на реакцию посмотреть хочется.

Глава 8

– Не лезь не в своё дело, Осипова, – Измайлова с ехидством выплевывает мою фамилию, явно желая ужалить побольнее. Но в итоге жёстко бьет иными словами. – Моя болезнь – не твоя забота. Лучше домой вали, пироги пеки, раз на большее не способна.

Рукой проводит по животу, а меня будто током простреливает.

Не способна...

Не способна?

Однажды я думала иначе, но...

– Какой бы мерзкой ты не была, я желаю тебе и твоему ребёнку здоровья. Ему, – киваю на её живот, – нужна настоящая мать, любящая, а не та, которую принуждают. И с Ромой я всё равно разведусь, даже если он против.

Усмехаюсь, глядя в обескураженное лицо любовницы мужа. Кажется, она не ожидала от меня подобных откровений. А мне... мне нафиг не сдались все эти игры богатых извращенцев, обесценивающих понятия семьи и верности.

Она думает, что я за Зотова цепляюсь? Дурочка!

Да я бы за полчаса собрала вещи и сбежала от него подальше, был бы шанс. Вот только не отпускает. Ещё и охрану приставил.

Думал, наверное, не замечу.

А я заметила.

Я теперь много всего подмечать стала. Только с болезнью Киры не до конца разобралась.

Кто-то из двоих врёт, это точно. Но врёт гениально, словно сам верит в озвученную ложь. Но кто? Зотов? Измайлова? Теряюсь.

– Врешь! Отказаться от Ромки добровольно? Не верю, – кривит губы брюнетка. – Да ты себе даже не представляешь, кого я ради него бросила, когда узнала, что он жениться надумал...

– А мне и неинтересно, – обрываю её пламенную речь. – Пойми одно и до своего любовника донеси, раз он меня не слышит. Я брезгливая. И я – собственница. Поэтому всё в этой жизни делю на своё и общественное. Так вот Рома...

Хмыкаю и не договариваю.

Измайлова же дама с образованием. Как-никак целым рекламным отделом заведует в «Алмаз-Х». Должна догадаться, чем моя фраза заканчивается.

– Стерва, – доносится шипение в спину, когда покидаю санузел.

Не реагирую и тихо прикрываю за собой дверь.

«Стерва» – миленько. Всё лучше, чем «бледная мышь».

– Ты где пропадаешь?

Успеваю пройти несколько метров по коридору, свернуть в фойе перед гостиной, где остались кудахтать женщины, как чужие руки хватают меня за локти, дёргают в сторону, разво-

рачивают и пригвозждают спиной к стене в небольшой нише.

– Да что за привычка без спроса меня лапать! – рычу, вскидывая голову, и упираюсь в тёмные глаза Измайлова. – Отойдите от меня и уберите руки.

Отталкиваю от себя наглые конечности.

– Тон убавь, или хочешь, чтобы у нас появились зрители?

– Я хочу, чтобы вы от меня отстали, – четко проговариваю своё пожелание, но громкость снижаю.

Владислав, к сожалению, прав. Сегодня уже достаточно побывла в центре внимания. Еще не хватало, быть застуканной в закутке наедине с компаньоном мужа...

Хотя...

Да ну бред.

Рома не поверит. А мне с этим типом даже рядом стоят неприятно.

– Что вам опять от меня нужно?

Взять себя в руки получается сложно. Напор Измайлова пугает.

Умом понимаю, маловероятно, что этот человек сделает мне что-то ужасное в общественном месте, а словесной грязи за сегодня наслушалась столько, что уже вряд ли что-то проймает. Однако, в его обществе откровенно неуютно.

Скользкий он какой-то.

– Мне нужно всё то же! Чтобы ты не провоцировала мою сестру. Вела себя тихо, культурно и мило, как и положено жене уважаемого человека. А ты с какого-то чёрта лезешь на

рожон. Зубки показываешь.

Ну надо же! Левый мужик меня сегодня ещё не отчитывал.

— Вам-то какое до меня дело? — логично огрызаюсь. — Идите и свою Киру угованивайте.

— Мне до тебя есть дело, — осаживает резко.

Делает полшага вперед. Сокращает расстояние до невозможно близкого. Нависает. Тянет руку к моему лицу...

Напрягаюсь и вжимаюсь в стену.

— Арина, ты...

— Госпожа Осипова, хорошо, что я вас встретил перед уходом, — ничего не выражающий голос со стороны гостиной заставляет вздрогнуть и перестать с ужасом глядеть на Измайлова.

Но тот и сам понимает, что момент наедине упущен, отступает. Как и я, Владислав поворачивается к неторопливо приближающемуся к нам Арбатову. Пытается скрыть недовольство, но до конца не справляется. Не знаю, как Руслан Германович, а я легко ловлю его негатив.

Впрочем, взаимоотношения этих двоих меня совершенно не заботят. Как и оба мужчины по сути. Один бесит, потому что стал слишком наглым и навязчивым, второй — потому что раздражает мужа, а я за два года привыкла разделять его точку зрения.

— И по какому же поводу, господин Арбатов? — за несколько секунд, которые мужчина тратит, чтобы сократить рассто-

ание, успеваю взять себя в руки и нацепить на лицо маску спокойствия.

– Мой секретарь сегодня утром отправил вам на почту письмо. Очень надеюсь, что оно не затеряется среди спама и мусора.

Выдав эту незатейливую информацию равнодушным тоном, Руслан Германович разворачивается и направляется к выходу из дома Семеновичей. Лишь только в этот момент замечаю, что прекрасная нимфа, составлявшая ему пару на сегодняшнем вечере, уже топчется на пороге.

– Не затеряется, – произношу негромко, больше себе, чем широкой спине, и, пользуясь моментом, тоже покидаю фойе.

Я не полная дура, прекрасно понимаю: Арбатов подошел намеренно. Хотя при этом Измайлова напрочь проигнорировал.

Зачем? Почему?

Думать еще и об этом не остаётся сил.

 Тех, кто любит читать быстро, а не ждать выхода прод приглашаю в мою первую сделку...
 "Сделка-Only" <https://litnet.com/ru/reader/sdelka-only-b430884?c=4829482&p=1>
 ♥#– Верная, значит?
 – Верная.
 – А он?
 – И он.
 – Почему тогда ты тут одна? Разве он не должен тебя встречать?
 – Должен – не должен – каждый решает сам. Но я не сомневаюсь, что встретил, если бы знал о возвращении.

 Стандартная ситуация. Хотела сделать сюр-

приз жениху, вернулась на день раньше... А он среди гостей под руку с другой девушкой стоит. Девушкой своего конкурента.

 ♥# Будет:
 - измена жениха. Но и черт с ним!
 - сделка с главным героем, без возможности ее нарушить. А вдруг уже никто и не захочет?
 - интриги, выяснения отношений и обязательно ХЭ.
 ✓# ОДНОТОМНИК

Глава 9

Кортеж из двух машин, нашей и охраны, въезжает в распахнутые кованые ворота загородного имения и тормозит на полукруглой, вымощенной брусчаткой парковке.

Не дожидаясь помощи водителя, открываю свою дверь и выбираюсь на улицу. Слышу хлопок и, обернувшись, замечаю, что Зотов повторяет всё то же самое.

– Ты разве остаешься? – интересуюсь, когда, отдав короткое распоряжение подчиненному, муж направляется следом за мной в дом.

Еще вчера днём этот вопрос показался бы мне неуместным, но не теперь. За сутки слишком многое изменилось.

Близкий человек превратился в чужака, чьи поступки я не понимаю и не хочу понимать. Он унизил меня, опошил наш брак, но вместо того, чтобы извиниться, пошел дальше – выдвинул сумасшедшие требования, уверенно полагая, будто я всё проглочу. Покапризничая для вида и смирюсь.

Право слово, смешно. До горечи. Потому что выходит: не только я не знаю своего мужа, но и он не знает меня.

– А куда я по-твоему должен отправиться на ночь глядя из собственного дома?

Сиплый голос дергает за нервы и заставляет напрячься. Хмыкаю и качаю головой.

– К любовнице, Ром. Но, если хочешь, мы можем, пока

не развелись, продолжать звать ее работой. Работа-Кира – и всем всё понятно.

Честное слово, если бы Зотов уехал к Измайловой, мне было бы легче. Вот такой парадокс. Рядом с ним теперь душно. Даже смотреть в его сторону не хочется.

Роман не отвечает, да и у меня желания продолжать разговор нет.

Захожу в дом и первым делом скидываю босоножки на высоком каблуке. Ноги, почувствовавшие комфорт, устало гудят. Несколько раз поднимаюсь на носочки и опускаюсь, чтобы размять стопы, и беру направление в кухню. Прежде чем подняться в свою новую комнату, решаю захватить с собой стакан воды.

Усталость дикая. Одна радость, бесконечный дурной день вот-вот закончится.

– Арина, подожди, – муж перехватывает за руку, обрывая моё движение, и разворачивает к себе. – Думаю, тебе нужно выпить. Ты слишком напряжена.

Тянет меня в сторону бара.

– Это что? Своеобразное успокоительное, после которого ты начнешь меня распекавать за то, что я твою шл*ху обидела? Нет, спасибо, обойдусь, – выкручиваю запястье, чтобы Зотов освободил. – Я устала и хочу спать. Отпусти.

Впервые за все время его прикосновения мне не нравятся. Не хочу его рук на своем теле.

Но вырваться не могу. А еще он меня напрягает, потому

что смотрит странно.

Рома ловит мой взгляд, внимательно изучает... и отпускает.

– Хорошо. Спать, значит, спать. Утро вечера мудренее. Поговорим завтра.

Спать? Он... он что? Собирается со мной спать?

Видимо, на моем лице отпечатывается такой ужас, что Зотов отводит взгляд. Потом ухмыляется.

– А в чем проблема, Арина? Ты – моя жена, я – твой муж. Всё по-прежнему. То, что тебе стало известно про Киру – ничего между нами не меняет. Я был с ней и раньше, а потом приходил к тебе. Просто тогда ты не знала. Так что, считай, ничего не изменилось.

Ничего не изменилось?

Серьезно?

Смотрю на него, как на пришельца с двумя головами...

Какая мерзость.

– Даже не думай, – еле слышно ворочаю пересохшими губами и отступаю к лестнице.

Черт с ней, с водой. Из-под крана попью, не отравлюсь. Не могу больше находиться в одном помещении с Романом, хочу поскорее убраться.

Радуюсь уже тому, что Зотов за мной не идет, а остается в гостиной. Неторопливо шагает к дивану, стягивает галстук и бросает на него, а после направляется в сторону бара.

Ну да, отчего бы не расслабиться. У него же всё прекрас-

но. Это у меня жизнь с ног на голову перевернулась.

В нашу спальню залетаю на несколько минут, только чтобы снять платье, накинуть халат и взять сменное белье. Остаться надолго в ней не планирую. В гостевой первым делом запираю дверь и иду в душевую.

Срочно требуется смыть с себя всю грязь, в которую с какой-то маниакальной упертостью весь день окунал Зотов. Хорошо окунал, потому что вот сейчас реально довел до точки.

Забираюсь в кабинку, включаю воду, горячую настолько, чтобы вытерпеть жар, хватаю гель, мочалку и начинаю себя тереть. Сначала спокойно, потом сильнее, и еще сильнее.

Наступает откат. Я остервенело скребу себя, скоблю и царапаю кожу, словно так могу стереть вонючую мерзость, в которую меня макнули головой, и реву.

Реву со всхлипами, а потом навзрыд. Захлебываюсь слезами, переживая разочарование и предательство.

Перед глазами проносится вчерашний день, сладкая парочка, их поцелуи, угрозы мужа, ненависть Измайловой, ее беременный живот.

Какая мерзость, грязь, фальшь...

В какой-то момент силы покидают, и я просто опускаюсь на поддон, поджимая под себя ноги. Сколько так сижу, позволяя слезам беспрепятственно катиться по щекам и смешиваться с каплями воды, не знаю.

Выбираюсь, когда понимаю, что всё, батарейки сели. И ес-

ли не выйду, так и усну в позе эмбриона.

Чтобы встать на ноги, не поскользнуться и не упасть, принимаю просто-таки титанические усилия. Обматываю тело простыней и медленно ковыляю к кровати. Засыпаю, как только голова касается подушки.

Просыпаюсь от грохота. Дверь под ударом то ли ноги, то ли плеча Зотова проламывает часть откоса коробки и отлетает в стену.

Муж приближается и опускается на кровать, притягивая к себе.

– Тише, Ариш, тише... все хорошо... тебе просто дурной сон приснился... сон, слышишь... всё будет хорошо, тш-ш-шшш, родная...

Что? О чём он говорит? Какой сон?

Сознание еще покрыто хмарью, доходит с трудом.

– Ты плакала. Через дверь всхлипы услышал.

Хмурюсь, тянусь потереть глаза. А щеки действительно мокрые.

Гад! Вот до чего довел. Уже и во сне покоя нет.

– Уходи, – сиплю.

Не могу его видеть. Не хочу...

– Арина... посмотри на меня, – голос глухой, но требовательный.

Не подчиняюсь. Мотаю головой. И руки его от себя отодрать пытаюсь.

Не выходит. Он сильнее.

– Ты почему в мокром полотенце лежишь? Заболеть решила? – переключается на иное. – Снимай немедленно.

Рывком приподнимает и сдергивает ткань в пару движений.

Снова сопротивляюсь.

– Не трогай меня! – бью по рукам. – Нет! Не трогай! Тошно. Гадко.

– А ну успокойся! – встряхивает.

Дергает за волосы, несильно, но голову я запрокидываю. Пользуется моментом.

Мгновение, и его губы обрушиваются на мои...

От неожиданности приоткрываю рот, позволяя его языку хозяйничать. А через секунду накрывает понимание, что он вот также целовал её... а теперь меня.

Брезгливость прошивает разрядом. Фу! Нет!

Отбиваюсь, верчу головой, отбрыкиваюсь, пытаюсь увернуться, но он не даёт. Держит крепко. Руки в запястьях фиксирует. Как игрушкой вертит.

Задыхаюсь, мычу, ужом извиваюсь, пытаюсь отпихнуть.

Отрывается, только когда с силой прикусываю зубами его нижнюю губу.

– Не надо, пожалуйста, – сиплю, пару раз глотнув так нужный воздух.

Снова в грудь толкаю.

Прищуривает бешеные глаза и головой качает.

– Надо, Арина. На-до. Не отпущу.

Зотов опрокидывает меня на кровать, одной рукой зажимает над головой запястья, второй ведёт вдоль тела вниз...

Замираю.

Он же не станет?

Нет! Не станет...

Просто попугает и отпустит... правде же, да?

Н-нет?

– Не надо так, Рома...

Вырываюсь, когда накрывает понимание, что он не шутит. Отбиваюсь, визжу, царапаюсь, пытаюсь его скинуть.

Господи, ну не может же он меня... после нее...

Грязь. Какая же грязь.

– Рома, пожалуйста... не надо... Рома... – шепчу.

Мне не стыдно за слезы. Я готова молить и уговаривать. Только бы отпустил.

Голова кружится. Знобит и колотит. Если он не остановится, я...

– Я твой муж, Арина. А ты моя жена... всё будет хорошо.

Снова целует, не замечая, что я не отвечаю, что всё равно продолжаю сопротивляться. Что бесконечно повторяю одно и то же, как молитву...

– Рома, не делай этого... пожалуйста... не надо, Рома... пожалуйста...

Не слышит. Меня не слышит.

Есть только он и его желания.

Их он исполняет. Берёт своё. Ломает. Подчиняет.

Отворачиваю голову, чтобы не видеть его лица. Это лицо не мужа, маска предателя. Страшного человека, которого я не знаю. Не с ним я знакомилась у дяди на вечере, не в него влюблялась, не ему говорила «да».

Плачу беззвучно. Слезы стекают по вискам, когда тело прошивает болью. Не физической, нет. Физически меня буд-то нет. Ничего не чувствую. Больно эмоционально.

Я просто растоптана его поступком. Убита наповал.

Сколько всё длится, не знаю. Не воспринимаю действительность. Не анализирую. Не думаю. Не оцениваю. Не существую.

– Арина, запомни, ты моя, – заявляет чужак через какое-то время. Он поворачивает к себе мое лицо и пытается поймать взгляд. – Никакого развода не будет. Я тебя не отпущу, поняла?!

Слова звучат жестко. Роман тянется к губам. Наверное, хочет поцелуем заклеить и поставить точку.

Не выходит. Меня скручивает. Желчь поднимается по пищеводу. Рот наполняется вязкой слюной и горечью. Прикрываю рот рукой, почти сваливаюсь с кровати и на подкашивающихся ногах спешу в санузел.

Успеваю вовремя. Рвет нещадно. Мне так дурно, что все мысли о произошедшем уходят на задний план.

Как умываюсь, пью всунутую в руки воду и добираюсь назад до кровати – не особо осознаю. Мыслей нет. Сил нет. Чувств нет. Даже то, что Роман не уходит, а ложится рядом

и к себе на грудь притягивает, уже не заботит.

Глава 10

Просыпаюсь, будто из омута вынырываю. Ощущение, что отдыхала, напрочь отсутствует.

Голова тяжелая. Мышцы ломит, словно накануне не за столом с вилкой сидела, а нещадно железо тягала. Горло побаливает, во рту кислит.

Да, здорово меня вчера накрыло. Приступ мигрени, спровоцированный поступком Зотова, скрутил основательно. Жаль, что запоздал немного. Вот бы всё это безобразие да в рожу будущему депутату выплеснулось...

Так нет, не вышло. Рома управился быстрее.

Я не страдаю амнезией, прекрасно помню, что он сделал – совершил насилие. Именно так и никак иначе. Да, не планировал. Да, пришел успокоить. Но в итоге сорвался. Не захотел слышать моё «нет», поставил своё «да» на пьедестал и сделал то, что сделал.

Решил, что ему позволено всё. Муж ведь, чтоб его...

А сопротивление, слезы, укусы и царапанье... отмахнулся, да и ладно.

Не знаю, как он, я себя мошкой почувствовала. Мелкой, тщедушной и бесполезной. Которой взяли и походя крылья оторвали. А она вроде как попищала, посопротивлялась, попыталась укусить, но весомого вреда один фиг не причинила.

Ощущения?

Мерзкие. Что тогда, что теперь. И полное осознание, что если один раз он это провернул, не особо страдая моралью, то и дальше вполне сможет. Совесть его мучить не станет. А если что, для неё есть заранее припасенное оправдание: «Я – его жена, он – мой муж».

Из кровати подниматься не хочется. Но понимаю, что надо.

Утро давно не раннее. Солнце поднялось высоко. И у меня есть планы. Обещала заехать в детский дом, сделать последние согласования по поводу Ивановой и передать им то, что было закуплено волонтерской организацией.

К тому же, прятаться – не выход. Да и не мой случай. Я – не страус, голову в песок совать не собираюсь. А вот биться за свободу и независимость – да.

Какими методами?

Тут вариантов не так много, учитывая, что Рома свою позицию обозначил четко. Не отпустит. Зная его, если пообещал, сделает. Он – человек слова, как не прискорбно в текущей ситуации.

Но и я послушной оленихой оставаться не собираюсь...

Откидываюсь на подушку, устремляю взгляд в потолок. Затем поднимаю руку и внимательно разглядываю запястье, точнее, темнеющие на нем пятнышки – синяки, оставленные пальцами Зотова.

Или собираюсь? Пока не выясню всех нюансов и не пойму, как получить развод. Девичья фамилия, слава богу, при

мне.

Да, точно так! У меня есть своё имя. А расторжения брака я добьюсь. С Романом не останусь. Ни за что. Тут все четко и стопроцентно.

Наметив планы, выбираюсь из постели. Голова слегка кружится, но пару минут спустя становится легче.

Умываюсь машинально. В душ не хочется. После вчерашнего он вызывает не лучшие воспоминания. Но я себя заставляю. Жизнь продолжается несмотря ни на что.

Из комнаты выходить немного страшно, но делаю и это. На выбитую личину долго не люблюсь, иду напрямик в бывшую семейную спальню. Отыскиваю джинсы и футболку с длинным рукавом. На разукрашенное Романом запястье надеваю широкий кожаный браслет. Волосы закалываю в хвост и делаю легкий макияж.

В обычной жизни я предпочитаю удобство. Кэжуал – мой стиль. И пусть Роману нравятся на женщинах платья и дорогие украшения, сегодня пусть любит своей Измайловой, переодеваться ему на радость я не стану.

– Арина Алексеевна, как хорошо, что вы уже спустились, – экономка встречает меня у основания лестницы. Поймав вопрос в глазах, поясняет. – Роман Сергеевич как раз просил пригласить вас к завтраку.

– Он дома?

Вопрос адресую больше себе, чем Светлане. Причины для удивления есть. В десять утра в будний день он дома нико-

гда не бывает. Деловой же человек. У него ж ра-бо-та. И та, которая кормит, и та, которая ноги раздвигает. Мысль о последней придает сил и уверенности не прогибаться.

– Да, дома. Ждет Вас в столовой, – понизив голос, докладывает экономка, секунду мнетя и, решившись, с улыбкой добавляет. – Он в половине восьмого уезжал в офис, но уже двадцать минут, как вернулся... с сюрпризом.

В отличие от испытывающей радость Светланы известие о неожиданном подарке заранее напрягает, но вида не подаю. Киваю и, высоко подняв голову, захожу в просторное светлое помещение.

 (Продолжение 13.07)

Роман сидит во главе стола. Как всегда, чисто выбритый, стильно и дорого одетый. Светло-серая рубашка, брюки и пиджак на пару тонов темнее. На запястье массивные часы в металлическом корпусе.

Красавец?

Наверное, да. Я же вижу перед собой не привлекательную обертку, а жестокого эгоиста, скрывающегося внутри.

Зотов отвлекается от телефона, в котором что-то листает, откладывает его в сторону и поворачивается ко мне.

Его взгляд не игнорирую. Встречаю прямо и неторопливо прохожу к своему месту, где уже всё накрыто для завтрака.

– Доброе утро, Арина.

Ощущаю, как муж рассматривает моё лицо, предпринимает попытку считать эмоции, но натывается на приятную, но мало что выражающую маску.

– Здравствуй, Рома.

Ответ звучит ровно, а рука, которой обхватываю ручку чашки, чтобы сделать глоток кофе, не дрожит. Этим особенно горжусь. Ни пасовать, ни показывать страх я не собираюсь.

– Это тебе.

Зотов подхватывает лежащую на противоположном краю стола коробку, через прозрачный верх которой проглядывают ярко-алые розы, и протягивает мне.

Принимаю не раздумывая. Кладу на колени и снимаю крышку, чтобы аромат цветов покинул пределы небольшой упаковки и наполнил легкой сладостью всё помещение столовой. Ради этого же их покупали и везли сюда.

– Спасибо, – позволяю губам дрогнуть в подобии улыбки.

Делаю это ради единственного зрителя. Экономка стоит в дальнем углу, прижав руки к груди, и с какой-то незамутненной радостью наблюдает за необычной сценой. Еще бы. Для нее, привыкшей лицезреть начальника вечно хмурым и отмороженным, человечный Роман, собственноручно дарящий жене цветы без повода, действительно в этот момент является кем-то фантастично прекрасным.

Я же мысленно выдыхаю по другому поводу. Значение слова «сюрприз» разгадано. И к счастью, это всего лишь розы, а не присутствие в столовой брата и сестры Измайловых с чемоданами и новостью: «Теперь мы будем жить вместе... большой и дружной семьей!»

От чего-то даже аппетит появляется, и я спешу избавиться от совершенно ненужного мне знака внимания.

– Светлана, заберите цветы и... поставьте их, пожалуйста, в спальне.

В какую именно комнату отправится букет, нет сомнений. Ту, где я больше не обитаю. Прислуга еще не знает, а вот Рома легко догадывается. То-то глаза прищуривает, внимательно изучая всю меня. Лицо, шею, руки. Медленно, внимательно, детально.

Я же, помня о голоде, тянусь за свежей, еще теплой булочкой, после – тонко нарезанным огурцом, сыром и беконом, и делаю себе бутерброд. Огромный, аппетитный, какой люблю.

Осматриваю его с обеих сторон, примеряюсь и, широко открыв рот, беззаботно откусываю приличный кусок.

Так не положено есть в высшем обществе? Нужны нож и вилка?

А мне по барабану!

– Ты решила сегодня остаться дома?

Оставив без комментариев ситуацию с цветами и поведение за столом, Рома переводит тему на нейтральную, разглядывая мой наряд. В душе я ему даже благодарна. Он не портит аппетит разборками, а позволяет нормально перекусить.

– Нет, поеду в детский дом, как и планировала. Думаю, деткам не важно, как выглядит человек, который приезжает подарить им немного тепла. Главное, открытое сердце.

Они чувствуют искренность, а не дорогое платье и браслет за несколько сотен тысяч рублей.

Взмахиваю рукой, тем самым привлекая внимание к кожаному аксессуару на запястье.

– И всё же я бы советовал эту безвкусицу заменить.

Зотов перехватывает мою ладонь, брезгливо поддевает широкую полосу дешевого украшения...

Я четко фиксирую момент, когда он замечает дело рук своих – синяки.

Линия челюсти напрягается, крылья носа раздуваются.

Ну и, ми-и-илый? Нравится?

– Ты права, сегодня напульсник тут вполне уместен, – произносит Зотов уже иным голосом.

При желании, если подключить воображение, в нем можно попытаться уловить нотки раскаяния. Как и в жесте. Удерживая мою руку, Роман легонько поглаживает большим пальцем кожу на запястье.

Я не пытаюсь ничего улавливать и медленно беззвучно выдыхаю, когда удастся избежать его прикосновения. Ночные воспоминания так же свежи, как и синяки. И радости не доставляют.

– Прости.

Ого. Прости...

На секунду теряюсь.

А потом иду ва-банк.

– Простить... только за это? – демонстрирую руку с на-

пульсником. – Или за что-то еще?

Серые глаза мужа на мгновение застывают и вновь становятся самими собой. Холодными и нечитаемыми.

– Только за это. Ты моя жена, Арина. Я взял лишь то, что и так принадлежит мне. Супружеский долг – не насилие. Загоны только в твоей голове, – фразы звучат отрывисто и четко. – Поменяй своё отношение к ситуации, и всё снова наладится.

– Имеешь ввиду – смириться с любовницей?

Хмыкаю и качаю головой.

– Всего лишь на четыре месяца. Я уже говорил.

– А если смертельный диагноз Измайловой – ложь? И мать твоего ребенка выживет? Что тогда? Обрадуешься и, наконец, меня отпустишь?

Давай же, удиви!

Хотя куда уж больше? Я сижу и обсуждаю с мужем его бабу и их будущую совместную жизнь. Кошмар.

– Я видел документы. У Киры нет шансов.

Зотов говорит так убедительно, что я нехотя начинаю ему верить. Однако, пользуясь возможностью, пытаюсь прояснить все моменты для себя подробнее.

– Ну, а если ты ошибаешься?

Качает головой.

– Исключено.

По глазам вижу, что доказывать что-то на словах глупо. Он реально верит в то, что произносит.

– Рома, скажи, всё дело в ребенке? Ты настолько сильно хочешь этого малыша, потому что он от той, кого любишь? Или есть другие причины?

О том, что попадаю прямо в яблочко, не догадываюсь, пока Зотов молчит. Когда же отвечает, многое становится на свои места. И пугает масштабами засады.

– Влад не может иметь детей, Ариш. Наш с Кирой сын...

Смотрит глаза в глаза, а я понимаю суть.

– Единственный прямой кровный наследник Измайловых, – договариваю за мужа. – А учитывая, что он твой...

Кивает.

– Совершенно верно. «Алмаз-Х» в будущем будет принадлежать ему единолично.

Вопросы типа тех: «Ром, так, а Киру-то ты любишь?», «Почему ты выбираешь на роль матери наследника империи именно меня?» и «Ты уверен, что Измайлов не решит тебя слить и сам стать отцом вместо дяди?» пугают возможными ответами. Как и слегка маниакальный блеск в глазах Зотова.

– Теперь ты понимаешь, насколько всё серьезно?

С трудом заставляю себя кивнуть.

Я уже жалею, что узнала настолько страшную тайну. Ту, которая практически не оставляет шансов выйти сухой из воды.

Очень сильно жалею. А вот Рома просто так не делает ничего. Даже секрет раскрывает с целью... чтобы четко понимала, он реально никуда не отпустит.

– Через полторы недели ты улетишь на отдых, – озвучивает Роман то, что говорил ранее. – Чтобы не было проблем, с тобой будет охрана. Кроме того, немного присмотрит Владислав.

От последнего предложения становится дурно.

– Измайлов? Ты ему настолько доверяешь? – сама удивляюсь, как испуганно звучит мой голос.

Вот тебе и неприятности. Всё познается в сравнении. Меня от мужа, который ночью издевался, так не трясет, как от новости про его компаньона.

– Я никому не доверяю, – а вот это очень похоже на Романа. – Если выдастся время, я тебя навещу.

– А как же выборы? Я думала, присутствие жены под боком дает тебе бонусы. Еще и той, кто так самоотверженно занимается благотворительностью.

Не скрываю сарказма.

Кажется, я наивно полагала, что именно депутатское кресло – главная цель в жизни Зотова. Теперь уже ни в чем не уверена.

– Я всё решу, не переживай. Новый пиар-менеджер всё организует.

Новый?

Откидываюсь на спинку стула, не скрывая удивления.

– А как же твоя любовница? Она больше не руководит рекламным отделом?

– Кира на днях улетает в Москву. Будет жить там до ро-

дов. Клиника и персонал уже подобраны. Никто посторонний ничего не узнает. Ты вернешься, когда придет время.

– Я...

На языке так и вертятся слова, чтобы послать Романа с его махинациями далеко и надолго, но он опережает.

– Мне пора в офис. Меньше, чем через час начнется совещание. Что касается Ивановой. Пусть заведующая скинет мне скан договора на почту. Юристы посмотрят и деньги сегодня переведут, – Зотов ловит мою ладонь, касается губами кожи на запястье рядом с браслетом и, глядя в глаза, добавляет. – Ариш, не делай глупостей. И всё у нас будет хорошо.

Глава 11

«... всё у нас будет хорошо...»

Кривлю губы в гримасе и безжалостно растираю запястье, которого совсем недавно касались губы «общественного» Ромы, пока поднимаюсь на второй этаж. Перед отъездом надо захватить сумку и документы.

«... всё у нас будет хорошо...»

От этой бестолковой фразы, которую Рома успел за последние дни повторить раз сорок, уже воротит.

«... всё у нас будет хорошо...»

Не верю ни единому слову предателя. Но особенно бесит то, что он произносит «нас».

Какие, к черту, мы?

Не воспринимаю я с некоторых пор Зотова и себя, как «нас». Есть он. Есть я. Нас – нет. Больше нет.

«... всё у нас будет хорошо...»

Единственное, с чем готова мириться, так только с одним – будет хорошо. Да, действительно будет. Уж я постараюсь. Выложусь по полной.

И у меня всё будет хорошо.

– Арина Алексеевна, какие-то особые пожелания по поводу ужина будут? – Светлана перехватывает меня уже на выходе из дома. Экономка так и светится, явно всё ещё пребывая под впечатлением от цветов, подаренных мне Зотовым.

На миг хмурю брови.

– Разве Роман Сергеевич не обсуждал с вами меню на неделю?

Когда я вошла в дом Романа в качестве его жены, Светлана Ивановна уже в нем работала. Если не ошибаюсь, не меньше десяти лет. Вела быт, готовила, убиралась, следила за личными вещами. То есть действовала по давно заложенному сценарию, в который я предпочла сходу не вмешиваться, а после приняла как норму.

Неприхотливая, привыкшая сама о себе заботиться, я легко подстроилась под порядки, заведенные Романом. В том числе и запросто приняла то, что меню согласовывает именно он, я же что-то дополняю, если есть желание. Или готовлю себе сама, что люблю делать и вполне неплохо умею.

– Обсуждал, – без задержек отчитывается улыбчивая экономка, – но, когда уходил, велел у вас уточнить – вдруг чего-то необычного хочется.

Необычного?

Еле сдерживаюсь, чтобы не оскалиться. Домработница ни в чем не виновата и порыв Зотова оценивает совершенно неверно.

«По поводу «необычных» предпочтений – это нужно у Измайловой спрашивать, – ехидничаю мысленно, испытывая горечь. – Это же она беременная, а не я».

– Нет, мне ничего не хочется, Светлана. Готовьте, что там Роман заказывал.

Ответ звучит ровно, как я и хочу.

Больше не задерживаясь, выхожу на крыльцо. Щелкаю брелоком, отключая сигнализацию на машине, и в этот же момент ловлю движение сбоку.

– Добрый день, Арина Алексеевна, – Макс, личный водитель Зотова, быстрым шагом направляется в мою сторону. – Роман Сергеевич сказал, что вам нужно в детский дом. Я отвезу.

Вот теперь удивления скрыть не выходит. Неприятного удивления. Кислящего.

– Зачем?

Задаю прямой вопрос и получаю такой же прямой ответ.

– Шеф велел.

Прикусываю щеку, чтобы не матюгнуться.

Обалдеть, какие умные. Всю жизнь, как получила права, я ездила сама. А теперь мне водителя впаривают. Да еще как? Не спрашивая, а просто ставя перед фактом.

Ну, Зотов, ну, паразит. Мало того, что охраной обложил, еще и передвижение решил мне ограничить, а заодно свободные уши рядом со мной занять?

Нет уж.

Тихая и мирная овечка-Арина не согласна.

– За рулем МОЕЙ машины, Максим, буду сидеть либо я, либо никто, – произношу почти ровно. Очень хочется зарычать, но вместо этого я холодно улыбаюсь. – Так и передай своему шефу.

– Но Роман Сергеевич...

– Не имеет никакого отношения к этой красавице, – ты-каю пальцем в сторону транспорта, подаренного дядей лично мне еще до знакомства с Зотовым. – Попробуешь сесть в машину без моего разрешения, заблокирую замки, вызову ментов и скажу, что ты ее у меня угнать пытался.

Стоит, ошалело приподнимая брови.

Киваю.

– Поверь, я сделаю, – обещаю, щуря глаза. – И рука не дрогнет, и язык повернется.

Стыдно ли мне, что по факту я сейчас угрожаю подчиненному мужа?

Нет. Нисколько.

Всю эту кашу заварил Зотов. И посторонних втянул в это тоже он. Вот и претензии от них пусть сам разгребает.

К тому же Макс... тут я уверена на все сто, про Киру давно в курсе. Личный водитель, как никак.

– Ну так как? Рискнешь? – подначиваю, вытаскивая из кармана телефон.

– Я свяжусь с Романом Сергеевичем, – отмирает мой несостоявшийся личный водитель, явно теряясь от неожиданного напора.

– Давай-давай, а я пока поеду.

Держа спину прямо, прохожу мимо мужчины и сажусь в машину. Где-то на подкорке гуляет страх, что охрана попросту не откроет ворота, и тогда мой бунт будет выглядеть глу-

пым и смехотворным... Однако спустя две минуты кованые тяжелые створки начинают медленно разъезжаться в стороны.

Радость от того, что смогла настоять на своем омрачается лишь одним фактом. Черный громоздкий джип охраны больше не скрывается, а следует за моей ласточкой по пятам. Игнорировать его наличие, как ни стараюсь, не получается, потому просто заставляю себя выдохнуть и воспринимать ситуацию рабочей необходимостью.

Прямо по дороге в детский дом связываюсь с заведующей и предупреждаю о приезде. Ольга Павловна встречает меня на крыльце, проводит в кабинет и предоставляет все документы по плану операции и последующей реабилитации Катьюши.

Отрицательно качая головой, смотреть мне там нечего. Дело Ивановой я изучила давно, подробно и основательно. Чтобы быть в курсе всего и исключить погрешности, провела беседы с врачами, которые проводили осмотр девочки, проконсультировалась с несколькими хирургами, массажистами, мануальными терапевтами.

– Сможете в электронном виде переслать всё вот сюда? – тянусь за чистым листком бумаги и печатными буквами вывожу адрес электронной почты секретаря Зотова. – Юристы «Алмаз-Х» всё еще раз изучат и дадут команду на оплату операции. Обещают сделать это уже сегодня-завтра.

– Арина Алексеевна, спасибо...

За что мне симпатична Ольга Павловна, она не играет в эмоции, а душой радуется за своих маленьких подопечных. И от всего сердца ликует, если тем удастся помочь.

— Не за что пока, — отмахиваюсь и, стараясь держать улыбку, поднимаюсь из кресла.

Пuls частит как ненормальный, хотя за два года могла бы и привыкнуть. Компания Зотова финансировала лечение пятерым малышам. Катюша — шестая. И я очень хочу верить, что не последняя.

В детском доме провожу еще несколько часов. Навещаю грудничков. Помогаю нянечкам за ними ухаживать. Позже общаюсь с детишками постарше. Несмотря на лето, мы учим алфавит и цифры, а на прогулке играем в подвижные игры. Веселимся от души, забывая каждый свои печали и невзгоды.

Возвращаться домой желания не возникает. Попрощавшись с ребятами, так щедро делящимися теплом своих открытых маленьких сердечек, заезжаю в кафе. Пока жду, чтобы остыл напиток, проверяю почту. Нахожу письмо, про которое говорил Арбатов, и безжалостно отправляю его в мусор.

Понятно, что Руслану Германовичу нужно. Коллекция ретро машин, доставшаяся мне в наследство от дяди. Григорий Иванович собирал ее всю жизнь, тратил всё, что имел, чтобы ее расширить и сохранить. Надышаться на нее не мог — вот самое точное определение его фанатизма. Обделял себя, но

берег «бесценное железо».

И вот так взять и продать... Нет, я не горазда.

А кроме того я меркантильна. Да-да, деньги за эксплуатацию машин в съемках, выставках и других мероприятиях часто приходят неплохие. И то, что остается после оплаты содержания транспорта в надлежащих условиях и организации охраны, удачно используется на благотворительные цели. Детишкам в детском доме нужны не только лекарства и операции, но и игрушки, одежда и обувь, книжки. Вот и трачусь, как душа желает.

После кафе решаю прогуляться пешком в небольшом сквере, маленько отвлечься и подумать о том, как жить дальше... после развода, который я обязательно получу. И как по возможности избегать встреч с тем, кто нагадил в душу, но ведет себя так, будто всё в порядке.

Последний вопрос, к слову, оказывается неактуальным. В следующие два дня Зотов дома не появляется.

Глава 12

Ненавижу высший свет.

Особенно серпентарий, который его начиняет.

Все эти наигранные ужимки, грубая лесть, искусственные улыбки и неестественный смех вызывают одно желание – сбежать отсюда побыстрее.

Но я стою, удерживая в одной руке бокал, в другой миниатюрную сумочку, и делаю вид, что наслаждаюсь «скромным» вечером и атмосферой, насквозь пропитанной деньгами и лицемерием. А всё потому, что это нужно моему мужу и его будущей карьере депутата. Выборы только через два месяца, а он уже сейчас сияет так, будто готов принимать поздравления.

– Я отойду ненадолго, хочу кое с кем переговорить.

Серые глаза предупреждающе упираются в мои зеленые. Тяжелая рука по-хозяйски оглаживает нижнюю часть спины.

– Конечно, не спеши, милый, – скрипя зубами, произношу то, что от меня ожидают.

Хочется выплеснуть шампанское в ненавистное лицо, но я, как примерная жена, сияю приклеенной улыбкой. На кону уже заплаченная Зотовым операция для Катюши, которая состоится завтра, а также транш в четверть миллиона на первый месяц реабилитации.

– Ты у меня умница. Не скучай.

Роман мажет губами мне по виску и освобождает талию от захвата. Неторопливо разворачивается, сгружает свой бокал на поднос проходящего мимо официанта и через два удара сердца уверенной походкой устремляется прочь.

Оставшись в одиночестве, расслабленно выдыхаю и тщательно контролирую порыв обтереть влажные ладошки о подол платья. Находиться рядом с Зотовым и не кривиться – то еще испытание для нервной системы.

Его присутствие не просто раздражает, оно душит. Его улыбки и спокойствие корбят. Прикосновения вызывают брезгливость, поцелуи – стойкое отторжение. Даже от парфюма поташнивает, вытягивая на поверхность самые неприятные воспоминания и ассоциации.

А как иначе, если муж – грязный, потасканный кобель?

Он заявился домой после нескольких дней отсутствия и, не испытывая стыда за свои мерзкие поступки, потребовал сопровождать его на открытии ресторана и при этом быть послушной куклой, то есть вести себя на публике подобающим супруге важного человека образом.

Черт!

А ведь раньше я злилась на привычку Ромы оставлять меня в одиночестве посреди тусовки и бежать решать свои извечные срочные дела. Работа. Работа. Работа. На жену у великого и важного бизнесмена и будущего депутата зачастую не хватало времени. Я, дурочка, грустила.

Теперь же всё иначе.

Стою одна и довольно хорошо себя ощущаю. В душе теплится радость, что он бесследно растворился в толпе, а еще не угасает надежда, что вообще про меня забудет. Увлечется дискуссией, любовницей, другом, сделками и не вернется... никогда.

Да, по сравнению с обнимашками Зотова нахождение в одиночку посреди великосветского серпентария – это просто цветочки. Всего лишь наименьшее из зол, которое вполне возможно пережить без тяжелых последствий.

Медленно беззвучно выдыхаю и незаметно осматриваюсь. Несмотря на работающие кондиционеры, мне кажется, что в помещении очень душно, к тому же от некоторых личностей чересчур сильно разит духами и неестественно навязчивым вниманием. Голову стягивает невидимый обруч, на виски неприятно давит.

Нафиг!

Надоело.

Я заслуживаю пять минут передышки.

Не оглядываясь, беру направление в сторону высоких стеклянных дверей, закрывающих выход на балкон. Улыбаясь направо и налево, ловко маневрирую среди собравшихся кучками сплетниц, пропускаю мимо ушей попытки поймать меня в сети разговора и уверенно следую к намеченной цели.

К черту извечную пустую болтовню, хвастовство и сплетни.

Пусть сами себя жалят и облизывают, мне и без них от-

лично живется. А вот разведусь и тогда... ух! Устрою себе настоящий праздник.

– Госпожа Осипова, добрый вечер. Уделите мне минутку вашего драгоценного времени? – голос с ленцой, от которого по спине бегут мурашки, заставляет вздрогнуть.

Вот невезение. Бросаю взгляд в сторону балкона, до которого оставалось всего пару шагов, и неторопливо оборачиваюсь к давнему врагу и сопернику мужа.

– Господин Арбатов, – растягиваю губы в улыбке.

Уверена, сейчас она больше напоминает акулю нежели ангельскую, но... Руслану Германовичу и так сойдет. Ежели нет... то уверена, еще один наглый, настырный, беспринципный тип, подобный по безжалостности моему муженьку, это переживет.

Сам пообщаться вздумал.

– Сказала бы, что рада встрече, но... вы же – не любитель лести.

Заканчиваю «приветственную» речь.

Честно говоря, я не в курсе, чего именно любитель этот тип, а чего – нет. Его потребности меня совершенно не заботят. Свои бы удовлетворить.

– Верно, Арина. Лесть не люблю, – глаза, светящиеся внимательным равнодушием, неторопливо сканируют с ног до головы, – в отличие от ретро автомобилей. Вы же посмотрели моё предложение о выкупе коллекции вашего дяди?

Посмотрела. Проигнорировала.

Неужели неясно?

– Она. Не. Продается, – четко разделяю слова. И вот теперь улыбаюсь по-настоящему.

Утереть нос богатенькому типу, уверенному в том, что в этом мире все продается и покупается, – могу, умею, практикую. Впрочем, с полным раздраем в душе хочется делать гадости всем и каждому. Когда внутри разруха – на чувства других плевать с высокой колокольни.

– Советую подумать еще, – Арбатов кажется непрошибаемым, а учитывая рост под метр девяносто, фигуру детины и бритую голову, еще и угрожающим. – Я даю хорошую цену, но если мало, мы можем обсудить...

– Не можем.

Перебивать невежливо, но иногда очень приятно. По венам проскальзывает адреналин.

– Вам она не достанется.

– Ах, мне?

Наконец-то, до моего собеседника доходить суть.

– Совершенно верно.

Посчитав разговор законченным, разворачиваюсь и покидаю шумную залу, проходя через распахнутые стеклянные двери на широкий овальный балкон. Кроме троих мужчин, облюбовавших парапет слева, там больше никого нет.

Убедившись, что мешать им не буду, как и они мне, выбираю правый дальний уголок и остаиваюсь в самой тени.

Вечерняя прохлада пробегается по оголенным участкам

тела и дарит легкость. Свежий воздух, насыщенный ароматами свежескошенной травы, бодрит и наполняет легкие кислородом. Прикрываю на пару мгновений глаза и заставляю себя расслабиться.

Еще час – полтора, и Зотов закончит свои дела, я смогу вернуться домой.

Домой...

Хмыкаю и качаю головой. Правильно будет сказать: «К Зотову домой».

Мой-то остался под Тверью и сейчас занят арендаторами. Правда, есть еще квартира дяди, небольшая, но хорошая. В ней я жила несколько месяцев, когда перебралась в Питер. Сейчас она закрыта и пустует. Рома хотел ее продать или сдать, но я отказалась.

Не знаю, чувствовала ли, что пригодится в будущем, или просто душа не лежала трогать чужое имущество, но теперь я рада. У меня есть свой уголок. Я не уйду на улицу, не стану бомжом, даже если Рома захочет меня прогнать после развода.

Щелчок зажигалки, раздавшийся совсем рядом, заставляет вынырнуть из мыслей и обернуться.

– Господин Арбатов, вы меня преследуете?

Не знаю откуда берется смелость задать такой провокационный вопрос. Не иначе как безрассудную удаль я черпаю из свежего воздуха, впрочем, о своих словах не жалею. И даже целых несколько секунд удерживаю давящую силу графито-

вого взгляда.

– Я здесь курю, госпожа Осипова, – ловко ставят меня на место.

Руслан Германович отвечает ровно, в привычной ничего не выражающей манере. Меня же прибывает к земле, а щеки опалает стыдливым жаром. Будто щелчок по носу получаю, слишком много о себе возомнив.

Вот же наивная, решившая, что весь мир крутится только вокруг меня.

– Ну раз уж мы здесь оба... отдыхаем, – между тем продолжает Арбатов, не замечая моего смятения, – поделитесь, чем вас так не устраивает моя кандидатура в качестве покупателя?

Мужчина глубоко затягивается и медленно выпускает струю дыма, а я прикусываю губу, чтобы не сболтнуть ничего лишнего. Всё-таки Зотов меня довёл, сделав слишком обидчивой и агрессивной. С другой стороны, чему быть, того не миновать.

– Потому что в этом мире, господин Арбатов, не всё продается и покупается по щелчку пальцев таких, как вы.

Выдаю в итоге самый мягкий вариант, задирая подбородок и глядя в немигающие графитовые глаза.

– Таких как я – это каких?

Ни один мускул не дергается на его лице, но общая аура всколыхивается от напряжения.

– Самоуверенных, наглых и беспринципных муд...жчин,

– еле успеваю исправить последнее слово на приличное. – Хотите оспорить?

С минуту мы непрерывно смотрим друг на друга, и чем дальше, тем меньше мне нравятся собственные предчувствия. Пальцы на руках почему-то немеют, а сердце то ли останавливается, то ли куда-то прячется. Глупость, конечно, но оцепенение накрывает просто нереальное.

– Надеюсь, депутатское кресло, к которому вы так стремитесь, тоже вам не достанется, как и моя коллекция, – жалю последним пожеланием.

Ожидаю, что Арбатов сорвется. В крайнем случае назовет пустоголовой куклой. Хотя как-то проявит эмоции сквозь ледяной панцирь. Но единственной реакции, которой добиваюсь, лишь легкий прищур.

– Считаете меня недостойным, а своего Зотова идеальным?

Вопрос на пару мгновений сбивает с толку. В мозгу, как переклинивает, и мысли начинают работать в совершенно ином направлении.

Выдержка летит к чертям.

– А знаете, нет, не считаю, – качаю головой, стараясь скрыть судорогу, что пробегает по телу. – Уже не считаю. Мой муж – обыкновенный богатый отморозок, который привык к вседозволенности и наглým манипуляциям.

– Не всё так гладко в семейном царстве? Неужели Рома наконец-то свалился с пьедестала?

Арбатов еле заметно усмехается, задавая вопрос. Будто для него самого эта информация не является новостью. А еще, глядя на меня, как-то странно меняется. Практически неуловимо. Вполне возможно, я просто себя накручиваю, но замороженным он больше не выглядит.

– Можно сказать и так, – открыто признаваться в том, что узнала о наличии у мужа любовницы, не хватает сил. Зато в голове появляются мысли, как нужно действовать: раз Рома запрещает мне подавать документы на развод, нужно вынудить его самого это сделать. – А знаете, Руслан Германович, я передумала и готова рассмотреть ваше предложение о покупке. Точнее, я подарю вам коллекцию автомобилей, а за это вы поможете мне. Сыграете роль моего любовника.

– Роль?

Ожидаю, что Арбатов удивится. Но нет. Мои слова его не шокируют, будто не являются эксклюзивными и часто звучат в его присутствии.

– Именно роль, – киваю, поражаясь собственной смелости и безрассудности, и сильнее стискиваю влажной ладонью сумочку. – Потратите несколько вечеров, изображая моего кавалера, и моя коллекция ретро авто станет вашей.

– Предлагаете сделку?

Сердце колотится как ненормальное, в горле странным образом пересыхает. Но отступить не намерена.

– Именно так.

– И зачем вам нужен этот цирк?

– Хочу отомстить мужу. Неважно... Так как? Согласны?

– А знаете, Арина...

Он выдерживает паузу. Наклоняет голову вбок и смотрит прямо на меня. Крылья носа слегка расширяются, радужка зрачков становится совсем тёмной...

– Я согласен.

Глава 13

– Я согласен... – еще одна пауза, за время которой по телу пробегают колючие мурашки, и неожиданное продолжение, – но у меня будут условия.

Подбивая Арбатова на сумасшедшее по всем фронтам предложение, в итоге сама же теряюсь, услышав из его уст согласие.

Быстр, однако, он на решения.

С другой стороны, а чего я собственно хотела, когда рискнула прыгнуть с моста сомнений в пучину вероятностей без страховки? Что Руслан Германович станет раздумывать и тянуть резину?

Окей. Взял бы он паузу... и что в итоге? Кто бы от этого выиграл?

Точно не я. Зато мой муж.

Зотов слов на ветер не бросает. Сказал, что через неделю упакует меня вместе с чемоданами и сплавит под охраной в дали дальние, чтобы сидела, как мышь под веником, и не ломала его планы, значит, так и сделает. Когда у него есть цель, он танком прет, не видя препятствий. Прогибать людей умеет. И меня прогнет, не моргнув глазом... уже доказал.

А мне оно надо?

Да вот уж фиг! Наелась.

Буду сопротивляться. Пусть как мелкая мушка, мельте-

шащая перед мордой слона, но всё же. Главное, не безвольная амеба.

– Какие условия? – прерываю затянувшуюся тишину.

Арбатов моргает и неожиданно резко подается в мою сторону.

Дыхание перехватывает. Замираю испуганным сусликом, шире распахивая глаза и до боли в ногтях сжимая сумочку, и лишь силой воли остаюсь на месте, а не шарахаюсь в сторону.

Спустя пару заполосных ударов сердца беззвучно выдыхаю и ругаю себя за трусость. Мужчина всего лишь тянется к пепельнице, чтобы затушить сигарету, а не пытается меня облапать.

Ну и где мои спокойствие и выдержка, которыми всегда так гордилась? В присутствии Арбатова они словно растворяются, а нервишки потихоньку сдают.

– Условия я озвучу завтра. За обедом.

Руслан Германович не облегчает задачу, оставаясь всего в полусаге от меня. Еще и смотрит при этом так внимательно и непонятно, что чувство неуютта только растет.

– Обедом? – не выдерживаю и вскидываю брови.

Ого, как ему ценна коллекция, раз так торопится заключить сделку. Впрочем, мне это только на руку.

– Именно. Завтра днем я позвоню вам, – мужчина смотрит на наручные часы. – В два. Вас устроит?

Мысленно качаю головой.

Ну что, Арина, ты хотела радикальных мер? Тогда вперед.

– Да. Думаю, да, – выдыхаю.

Очень надеюсь, что мой голос звучит уверенно, пусть внутренности дрожат, как желе.

– Тогда, – Арбатов ныряет рукой в карман и достает визитницу, а через пару мгновений протягивает мне небольшой картонный прямоугольник. – Держите. Наберу с этого номера, – поясняет, когда я не спешу брать карточку в руки. – К тому же, как вы собираетесь связываться с любовником, не имея его контактов?

Вот же!

От колкой шпильки становится не по себе. Щеки опалает жаром. Хочется приложить ладошки к пылающей коже, но вместо этого не подаю вида. Нарочито медленно забираю визитку и аккуратно прячу ее в сумочку.

– Вы правы, – растягиваю губы в улыбке, – благодарю.

– Да пока не за что, Арина, – отвечает, не пряча смешливых искорок в графитовом взгляде, и протягивает руку. – Хорошего вечера.

– И вам.

Отзеркаливаю жест, рассчитывая на короткое рукопожатие, но вместо этого Арбатов чуть наклоняется и слегка касается губами кончиков моих пальцев.

Накрывает катастрофическое ошеломление. Как будто я дотрагиваюсь до оголенных проводов. Пульсирует все и везде. Кровь, подкормленная адреналином, доставляет в каждую клеточку тела бурю эмоций. Не могу толком ни вдох-

нуть, ни выдохнуть.

– Хм-м, как интересно. Ладно, что Зотов кипит. Он же муж всё-таки, ревнует, но... Измайлов-то чего скалится?

Слова, произнесенные с тихим смешком, заставляют насторожиться и повернуться в ту сторону, куда устремлен взгляд Арбатова. Ко входу на балкон, где, переступив порожек, плечом к плечу стоят Роман и Владислав. Напряженные и набыченные.

Как два барана. Оба.

И оба темными провалами злобно сверлят меня, точнее, мою ладонь, которую Руслан Германович не спешит освобождать из плена.

Вот же ж принесла нелегкая, а, впрочем...

Изображать испуганную лань, пойманную на горячем, не спешу. Мне стыдиться нечего. Я, в отличие от некоторых, по чужим койкам не прыгаю.

Вскидываю подбородок, еще больше распрямляю плечи и смело встречаю прищуренный взгляд Ромы и Измайлова, в глазах которого действительно закручивается тьма.

– Не знаю, господин Арбатов. Совсем не знаю, – качаю головой, вновь сосредотачиваясь на собеседнике.

Озвучив чистую правду на вопрос, который неприятно заботит саму, предпринимаю попытку вытянуть пальцы из захвата и немного в душе огорчаюсь, когда это удастся. Наверное, странно так думать после нескольких минут общения... но пугающий по началу Арбатов, сейчас почему-то кажется

менее жутким, чем те двое, которые продолжают прожигать меня взглядами, ожидая, когда подойду.

– Что ж, хорошего вечера, Руслан Германович. Думаю, мне пора.

Киваю, натягивая на лицо ничего не выражающую улыбку, разворачиваюсь и плыву к мужу.

Да, именно так. Плыву. Неторопливо, величественно, держа осанку королевы.

По крайней мере, я чувствую себя именно так.

– Что, твою мать, это только что было?

Шипение Ромы обжигает ухо горячим дыханием. Муж притягивает меня к себе и обнимает за талию железной хваткой. Захочу вырваться, так вряд ли выйдет.

Стараюсь не морщиться и не показывать, насколько противны мне его касания, его дыхание на коже и хозяйские замашки.

– Это был... кто, – отвечаю ровно. Странное дело, но чем больше злится Зотов, тем меньше я. – Если не узнал, то напоминаю. Арбатов Руслан Германович. Кажется, твой конкурент.

– И что этому мудаку от тебя нужно было?

Второй вопрос прилетает от Измайлова, который придвигается ближе, закрывая меня от тех троих мужчин, которые стояли на балконе еще до моего прихода и до сих пор не ушли, продолжая что-то громко и эмоционально обсуждать.

– А вам-то какое дело?

Моментально меняю улыбку на оскал, прямо встречая взгляд Владислава. Куда этот хам вообще лезет? За кого себя принимает, задавая мне личные вопросы?

– Арина, – одергивает Роман, – ответь.

Его рука, лежащая на талии, сжимается сильнее, напоминая кольца удава, которыми тот опутывает жертву, желая придушить.

Шумно выдыхаю.

Прищуриваюсь.

Перевожу взгляд с одного на другого.

Снова улыбаюсь. Ехидно.

– Это не ему нужно было, а мне, – припечатываю мстительно. – Я предложила Арбатову стать моим любовником. А почему бы нет, Ро-ма? – подмигиваю мужу. – Раз тебе можно, то и я хочу.

Глава 14

Операция у Катюшки назначена на одиннадцать утра.

Я знаю, что все платежи прошли успешно, Зотов выполнил обещание, девочка в руках грамотных специалистов, и в клинике будут присутствовать потенциальные родители малышки, которые уже полюбили ее всей душой и спешно занимаются оформлением документов для удочерения, но душа не на месте.

Тянет поехать и удостовериться во всем самой.

Да, привычка – вторая натура. Синдром отличницы вытравить из себя не получается. Хочется убедиться, что всё идет по плану, никаких ЧП не намечается, и ничто не мешает врачам сделать Иванову здоровой девочкой.

Но еще больше в спину толкает желание покинуть дом Зотова. В нем я задыхаюсь. Буквально.

Два дня назад не выдержала, забрала личные вещи из хозяйской спальни и не просто перенесла их в гостевую, а запаковала в чемоданы. Так, на всякий случай. Пусть будут наготове.

Идея в один прекрасный момент найти решение, как помочь тем детишкам, кому уже было обещано оказать помощь в этом году, а потом сесть в машину и уехать, чтобы больше никогда не возвращаться, с каждым днем манит всё сильнее.

Господи, кто бы знал, как меня бесит спокойная рожа Ро-

мана, делающего вид, что у нас всё отлично. И как сильно я хочу получить развод, чтобы ничего больше не связывало меня с этим бездушным монстром.

– Арина, куда ты собралась?

О, легок на помине.

Сиплый голос Зотова раньше вызывал мурашки умиления, а теперь четкое отторжение. Стараюсь не морщиться, когда оборачиваюсь.

– В больницу. У Ивановой операция, надо кое-что подписать.

На самом деле не надо, но ему знать не обязательно.

Радуюсь, что голос звучит ровно и равнодушно. Правда, для этого не стараюсь, всё выходит само собой. Не заслуживает этот недомужчина того, чтобы я распыляла на него свои нервы и этим радовала.

– Без завтрака?

– Куплю кофе на заправке, если надумаю.

– А компанию мужу за столом составить не хочешь?

– Извини, но нет.

– Арин, я как-никак дома, – ух-ты, какой укор. Сейчас растрогаюсь. – Свои дела можешь и позже сделать. Не вижу проблем.

– А ты, Рома, – усмехаюсь, – во многом проблем не видишь. Охренительно-извращенная мужская логика.

С каким-то нездоровым энтузиазмом наблюдаю, как мужчина напрягается. Нижняя челюсть чуть выдвигается вперед,

а глаза сужаются, транслируя недовольство.

Ничего-ничего, Зотов, то ли еще будет.

К слову, вчера этой своей кривой логикой Роман удивил дважды.

В первый раз, когда вместе с Измайловым рассмеялся, услышав про Арбатова и мое предложение сделать его своим любовником. Посчитал нелепой шуткой удобной жены-тихони и посоветовал не молоть чушь.

«Даже если бы место его любовницы было вакантно – тебе бы ничего не светило. Ты, Арина, не в его вкусе», – поддакнул Измайлов, при этом сам меня взглядом чуть не сожрал.

Чертов извращенец!

В ответ пожала плечами и не стала переубеждать.

Второй раз Зотов удивил дома, когда приехали. Этот ненормальный предложил мне закатить скандал по поводу его двухдневного отсутствия. Раньше-то, мол, не было времени, мы встретились буквально перед самым началом мероприятия, там везде были уши и стоило держать лицо. А теперь вот пользуйся, дорогая, истери на здоровье, как все нормальные ревнивые любящие жены, я никуда не спешу.

В ответ хмыкнула, покачала головой и, сославшись на усталость, ушла к себе. Мою фразу: «Ревнуют, Рома, тех, к кому что-то чувствуют и хотят вернуть», он либо не понял, либо не услышал.

И вот теперь.

Зачем, спрашивается, дома сидит?

Пусть валит на работу... или на Киру-работу. Мне всё равно.

В клинику приезжаю за полчаса до начала операции. Успеваю навестить Катюшку, подарить ей белого мохнатого медвежонка, которого купила заранее, чуть потискать милыху и еще раз переговорить с врачом.

Следующие часы тоже не уйду. Вместе с потенциальными родителями малышки сижу в зоне ожидания. Слушаю их рассказы о девочке, которую они выбрали, несмотря на трудности, ожидающие впереди. Операция – не полная победа, реабилитация тоже будет сложной. Смотрю вместе с ними фотографии девочки на телефонах, поддерживаю, обсуждая других детишек, и будто оттаиваю.

Вокруг меня не только грязь, созданная Зотовым, но и свет. Я вижу его в горящих глазах равнодушных людей, читаю в сердцах, где не угасает вера в лучшее.

Я заряжаюсь энергией, чтобы и самой держать голову высоко.

Арбатов оказывается пунктуальным до тошноты. Когда раздается сигнал входящего вызова, экран моего телефона показывает ровно четырнадцать ноль-ноль. Стараюсь не задумываться – откуда у него мой номер.

В свете того немного, что я успела вчера перед сном прочитать о нем в интернете... ох, честно, лучше бы не читала и не смотрела. Бездна между мной и этим человеком в одночасье увеличилась в миллионы световых лет. Да даже Ро-

ма со своими огромными возможностями как-то побледнел. Будто студент-первокурсник перед профессором.

Огромные промышленные территории, как внутри КАД, так и за ним, разработка месторождений мрамора в Карелии, песчаные, гранитные, известняковые карьеры, свои ЧОПы и... и... игорный бизнес, в прошлом, до введения закона о его запрете. Там всё не просто серьезно. А очень серьезно.

– Добрый день, Арина.

– Здравствуйте, Руслан Германович.

По телу прокатывается нервная дрожь, а сердце взрывается набатом, стоит услышать его голос.

Странное дело, он кажется иным, нежели вчера. Я не улавливаю безразличия, зато различаю глубину, бархатистость и легкий оттенок сиплости в конце.

– Как ваши дела?

– Спасибо, нормально.

Ох, давно меня так не торкало от мужчины.

Замерев от охвативших эмоций, пытаюсь полноценно вдохнуть. Мне сильно не по себе.

Как такое возможно? Я не вижу Арбатова, но голову туманит от исходящей мощным потоком мужской силы.

Черт! Какое-то звуковое наваждение.

– Ваше предложение по коллекции еще в силе?

– Да. Я не передумала.

К счастью, собеседник не видит моих терзаний. Этим себя и успокаиваю, стараясь скрыть дрожь в голосе.

– А про любовника? – уточняет, явно усмехаясь.

– И оно тоже.

Небольшая пауза, во время которой сердце будто останавливается...

– Отлично. Как вы смотрите на то, чтобы составить мне компанию в «Блоке»?

Его вопрос заставляет зависнуть. Я вроде как ожидаю предложения вместе пообедать, но получив его, слегка теряюсь. Еще и параллельный звонок с незнакомого номера дребезжит и дребезжит, раздражая настойчивостью.

– Мы же должны обсудить детали и порядок наших действий, – продолжает Арбатов чуть задумчиво.

Или мне кажется?

– Да. Хорошо, – соглашаюсь, опять сбрасывая кого-то жутко настойчивого.

– Если хотите, мои люди вас заберут через полчаса.

– Нет, я за рулем, – отказываюсь и тут же хмурюсь, – черт! Мой конвой...

Еще неделю назад я совершенно спокойно ездила везде сама по себе, и никому не было до меня никакого дела. Теперь же повсюду хвостом следует черный тонированный джип с охраной.

Зотов даже не скрывает, что контролирует каждый мой шаг.

– Конвой? – четко улавливаю смешок и ощущаю, как по коже бегут мурашки. – Арина, скиньте мне точку, где нахо-

дितесь.

Выполняю, так и не разъединяя связь, а через пару мгновений тишины слышу удивительное...

– Выждите пятнадцать минут и поезжайте по маршруту, который я вам сейчас перешлю. Про охрану не волнуйтесь, ее отвлекут.

– Отвлекут? – сглатываю пересохшим горлом.

Черт! И вот куда я лезу, если не уверена, что и Зотова с его закидонами могу вывезти?

– Не переживайте, всё будет аккуратненько.

Ак-к-куратненько? Боже ж ты мой.

– Ладно, – соглашаюсь, уже сама не знаю на что.

– Тогда до встречи, Арина.

– До встречи, Руслан Германович, – трясущимися руками убираю телефон в сумку и с глухим «бам!» утыкаюсь затылком в стену, обшитую деревянной вагонкой.

Ну что, Арина? Будь что будет?

Мои хорошие, приглашаю в новинку "Больше, чем сделка"
Один из героев - Михаил Самков.

<https://litnet.com/ru/book/bolshe-chem-sdelka-b462142>

Глава 15

Сильно накрутить себя не успеваю. Отвлекает мелодия, установленная на входящие звонки с незнакомых номеров.

Обычно я такие игнорирую, но в этот раз рука над кнопкой сброса зависает. Присмотревшись внимательней, узнаю последние четыре цифры. Этот абонент уже трижды пытался ко мне пробиться, пока я разговаривала с Арбатовым.

Вот же упертый. На рекламных спамеров не похоже. Те обычно долго звонят один раз, а потом автодозвоном проходит краткий повторный набор, который сам же обрывается через секунду. И они отстают.

А этот отставать не хочет. Звонок обрывается самостоятельно, но через пару мгновений экран вспыхивает вновь.

– Слушаю.

Приняв вызов, ожидаю всего, чего угодно, но не густого потока желчи, который выливается на голову:

– Осипова, с кем можно столько времени болтать? Или ты нарочно меня игнорируешь? Так вот – зря! Я, между прочим, деловая женщина, у которой каждая минута по часам расписана. Моё время дорогого стоит, а я бестолково его на тебя трачу.

Ух ты! Вот это подача!

В крови моментально вспыхивает адреналин. И пусть по голосу я примерно догадываюсь, что за мымра мне звонит,

делаю вид, что не узнала.

– И вам здравствуйте, деловая женщина, – не скрываю сарказма. – Было бы неплохо, чтобы, прежде чем кидать претензии, вы научились представляться. Правила делового этикета распространяются вообще-то на всех.

Не знаю, что обозначает странных звук на том конце связи: огненное фыркание драконши или злобный рык банши, но в глубине души лелею мечту, что Измайлова подавилась собственным ядом.

К сожалению, нет. Жива-здоровая, но гонор убавляет.

– Кира Львовна Измайлова, пресс-секретарь Романа... Сергеевича.

Любовница мужа чуть ли не промурлыкивает имя-отчество Зотова.

Понимаю, что хочет меня позлить. Мысленно усмехаюсь. Мимо, Кирочка, мимо. Не цепляет.

– Чем обязана, Кира Львовна? – спрашиваю ровно.

Желания затягивать разговор с неприятной особой нет. Сразу перехожу к сути.

– Вопрос касается Дюзенберга тридцатого года. Этот автомобиль входит в каталог ретро авто, завещанных вам родственником.

– И что с ним не так?

– Всё, наоборот, так. Именно эту модель отчаянно хочет занять в свою личную коллекцию Мезенцев. Думаю, не нужно объяснять, кто такой у нас Тимур Григорьевич, и ка-

кую власть в нашем регионе и за его пределами имеет?

Измайлова выдерживает паузу. Ждет, что я проникнусь важностью озвученной информации. Но ошибается.

Я не проникаюсь.

Мало ли кто и что хочет? Я-то здесь причем? Да и кто такой Мезенцев – честно: всё равно. Я никогда не гналась за связями, не просиживала часы в интернете, чтобы отслеживать сводки светской хроники, и не кичилась громкими знакомствами.

– У меня мало времени, Кира Львовна. Если вы хотите сказать что-то конкретное, говорите, иначе – до свидания, – тороплю неприятную особу, услышав звуковой сигнал входящего сообщения. Догадаться – от кого оно поступило, труда не составляет. Арбатов, как убеждаюсь, во всем держит слово.

Очередное злобное шипение и...

– Мезенцев через две недели празднует день рождения. Мы с Романом... Сергеевичем считаем, что Дюзенберг будет прекрасным подарком, который не только порадует именинника, но и полностью того к нам расположит. Протекция Тимура Григорьевича – это практически обеспеченная победа в предстоящих выборах. Такой шикарный шанс мы не упустим. От вас, Арина, требуется забрать машину с выставки в Минске и переправить в автосалон, где проведут техобслуживание и подготовят договор дарения.

Что?

Чуть не падаю, когда одна нога цепляется за другую. Удерживаюсь чудом, схватившись за поручень.

Ух, как же меня бомбит. Считают они... ну-ну...

– А больше вы с Романом Сергеевичем ничего не хотите? – уточняю с издевкой и, не позволяя ответить, добавляю. – В любом случае, никакому Мезенцеву я ничего дарить не буду. Ищите другой способ умаслить предполагаемого покровителя. Без меня.

И тут Измайлова срывается.

– Ты будешь делать всё, что тебе скажет Рома, поняла? – шипит недовольно. – Скажет подарить машину – подаришь, скажет переписать всю коллекцию – выполнишь, как миленькая. Еще не поняла, что взбрыкивать с такими серьезными людьми, как Зотов, нельзя? Особенно наивным ничемным курицам как ты, за спиной которых нет никого... НИ-КО-ГО, – по слогам повторяет последнее слово, будто носом в него тыкает, – кто бы их защитил.

Стерва брюнетистая!

Чтобы не послать мерзавку на великом и могучем, сбрасываю звонок и медленно глубоко дышу.

Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Спокойно, Арина, спокойно. Тебе еще за руль садиться, а там лишние эмоции – риск быть невнимательной и попасть в неприятности.

Оно тебе надо с тем набором, что уже есть?

Нет, конечно.

Дыши, Арина, дыши.

Несколько минут стою, как пригвожденная. Не могу пошевелиться. Тело не слушается. Словно одеревенела вся от макушки до пальцев ног. Но повторное напоминание о пришедшем от Арбатова сообщении действует чудесным образом.

Этакий пинок – переключаться и двигаться вперед.

Переключаюсь, прощаюсь с четой Скворцовых, прося их набрать меня, как только будут известны результаты операции, и направляюсь к выходу, параллельно читая смс.

– Куда дальше, Арина Алексеевна? Домой? – уточняет не то Сергей, не то Андрей, отделяясь от машины охраны, припаркованной в паре метров от моей.

Вскидываю подбородок, прожигаю его взглядом и мысленно обещаю поколотить, если вздумает отобрать ключи и сесть за руль моей ласточки вместо меня. Но конвоир стоит ровно и просто ждет информации.

– Нет, не домой. В благотворительный фонд.

Озвучив первое, что приходит на ум, ныряю в машину и трогаюсь с места.

***** Следующая глава через день.

Глава 16

Первые десять минут, что черный здоровенный джип следует за мной попятам, даются сложно. Нервно. Верчу головой, пытаюсь понять, кто и когда отрежет от меня охрану, но определить не выходит. Плотного движения нет, «прилипших» машин, которые бы бросались в глаза, тоже.

Может, Арбатов переоценил силы?

И что теперь? Ехать до конечной, а там моська плугом и импровизация? Или...

Входящий вызов отвлекает.

Скосив глаза, читаю имя абонента и тут же беру трубку.

– Ариночка Алексеевна, всё хорошо, – в срывающемся голосе Альбины Скворцовой звенят слезы, но в то же время восторг и радость. Еле сдерживаюсь, чтобы не прослезиться в ответ, настолько эмоции будущей приемной мамочки зашкаливают. – Врач сказал, что наша девочка справилась. Операция прошла удачно. Даже лучше, чем они прогнозировали. Ой, если бы не вы, я... мы с Володей так благодарны.

– Альбина, дышите. Все самое сложное позади. Я очень рада. И за Катюшку, и за вас, – перебиваю женщину.

Почему-то делать добрые дела намного легче, чем принимать за них благодарность. Чувствую себя от этого удивительно некомфортно, будто напрашиваюсь.

Еще несколько минут мы обсуждаем то, что сказал врач,

и делимся позитивными моментами, сбрасывая остатки напряжения. Напоследок я обещаю непременно навестить их в ближайшие дни в больнице, а когда отключаю вызов и вновь смотрю в зеркало заднего вида, осознаю, что... «хвоста» нет.

Отвалился.

А Арбатов-то молодец. Человек слова. Сказал: «Будет акуратненько» и сдержал обещание. Полностью.

Жаль, я пропустила момент, не увидев, когда и как это произошло.

У ресторана паркуюсь через десять минут. Подхватываю сумочку и телефон и выбираюсь из машины. Мельком осматриваю помпезное здание, предполагая, что Руслан Германович ждет меня где-то внутри, делаю движение в сторону центрального входа и замираю, сбиваясь с шага.

Арбатов стоит у крыльца, засунув руки в карманы брюк. Осматривается. Рядом с ним, сияя роскошными глянцевыми боками, красуется автомобиль, о стоимость которого лучше не задумываться, чтобы не расшатывать нервную систему.

– Добрый день еще раз, – здоровается мужчина первым и мажет взглядом по лицу, шее, дольше необходимого зависает на декольте моего платья.

К подобного рода взглядам я привыкла и стараюсь не реагировать. Полноценный третий размер, может, чуть больше, но с невысоким ростом в комплекте создает впечатление, что у меня там... много счастья. Так много, что про таких шутят, якобы из-за угла сначала появляется грудь и только потом ее

обладательница.

Так вот, почему-то в данном конкретном случае колет разочарованием. Не знаю, по какой причине. Возможно потому, что еще вчера мне казалось, будто Арбатовым руководят немного иные инстинкты согласиться на сделку, а сегодня...

Глупость, знаю.

Нет на свете мужика, способного не смотреть на женскую грудь. Особенно на грудь большого размера. И даже будь носитель фаберже ценителем стереотипных плоскотелых кукол модельной внешности или сотню раз верен жене – это действие у него заложено на примитивном природном уровне.

– Добрый.

Негромким фырканьем выражаю своё отношение к мужской бесцеремонности.

Ожидая, что ради приличия Арбатов смутится, да как бы не так. Моргает и совершенно спокойно возвращается к глазам.

Хотя, кажется, даже в таком положении Руслан Германович ничего не теряет. С его-то ста девяноста сантиметрами против моих метр шестидесяти трех, расположенных в шаговой доступности, – обозрение у него в любом случае остается просто сногшибательным.

Что ж, в эту игру можно играть на пару. Не меняя выражения лица, медленно прохожусь по мужчине внимательным взглядом, стараясь не упустить деталей.

Всё же не лысый, а с очень короткой стрижкой. На щеках красивая, ухоженная щетина. Высокий лоб. Крупный нос с небольшой горбинкой. Глаза, как у самого дьявола. Квадратный подбородок и губы... врата ада.

Меня несет?

Вполне возможно.

Дальше – проще. Синяя рубашка с металлическим отливом, темно-серый костюм и начищенные до глянца ботинки.

Возвращаясь к костюму, точно такой же был на нем на дне рождения у дочки Семеновичей. Если бы не понимание, к какому уровню достатка относится этот мужчина, предположила бы, что он у него один-единственный – парадно-выходной, так сказать.

Улыбаюсь от того, куда забрели шальные мысли, и мгновенно получаю подтверждение, что Арбатов этот момент не пропустил.

– Рад, Арина, что у вас хорошее настроение. Что ж, пойдемте обедать... и разговаривать.

Уверена, Руслан Германович намеренно делает паузу в предложении.

Не знаю, хочет смутить или заранее готовит к чему-то сложному, но пока терять боевой дух не планирую. Во-первых, я счастлива за Катюшку, во-вторых, наслаждаюсь свободой без надзора охраны, в-третьих, элементарно хочу есть.

С утра маковой росинки во рту не было, а до покупки кофе, как заверяла мужа, руки как-то не дошли.

Помпезность ресторана не производит особого впечатления. За два года жизни с Романом привыкла бывать в очень разных местах. Вот и тут ярко, дорого-богато, уютно. Вышколенный персонал передвигается шустро, мнение не навязывает, исчезает быстро. Небольшие столики расположены на приличном расстоянии друг от друга, чтобы не мешать беседе важных лиц. Иные, к слову, в такие места ходят редко.

– Что будете заказывать?

Официант появляется незаметно, стоит Арбатову отложить меню в сторону. Несложно догадаться, на ком сконцентрировано всё внимание персонала.

Ну еще бы. По тому, с какой счастливой улыбкой нас встречал метрдотель и без вопросов провожал до столика, спрятанного от остальных за искусственным водопадом и зеленью, несложно сделать вывод, что Руслан Германович в этом месте частый гость.

– Арина?

Мне предоставляют право первой озвучить пожелания. Мысленно хмыкнув, оцениваю собственный аппетит и перечисляю:

– Филе-миньон из говядины и теплый салат с баклажанами и помидорами. На десерт чизкейк «Арахисовый кранч» и двойной эспresso. Пока всё.

Следом за мной Арбатов перечисляет свой выбор. Как и я, он называет мясо в качестве основного блюда, дополняя его еще несколькими наименованиями, а стоит официанту

исчезнуть, демонстративно медленно приподнимает бровь.

– Пока всё? – повторяет мою последнюю фразу.

– Угу. Вот сижу – раздумываю, стоит ли еще дозаказать долму или так наемся, – пожимаю плечом и, не скрывая сарказма, ёрничаю. – Только не говорите, что ожидали, будто я буду, как гусеница, жевать траву или подобно Дюймовочке насыщаться нектаром из цветка.

Откидываюсь на диване и, скрещивая руки в запястьях, размещаю те на колене.

– В моем присутствии девяносто пять процентов знакомых мне женщин поступают именно так.

Внимательно отслеживаю мимику и понимаю, что собеседник не шутит. Еще бы. Измайлов же предупреждал, что у Арбатова в почете суповые наборы, которые один зеленый лист на тарелке умудряются раскромсать на двадцать кусочков и важно жевать это «множество» в течение всего обеда.

Как там? Модель на модели моделью погоняет? Ну, примерно, так. И мне до них так же далеко, как от Москвы до Парижа пешком.

– Ну, каждому своё, Руслан Германович. Поверьте, я не комплекую, что не попадаю в категорию тех принцесс, которые обычно составляют вам компанию за столом.

– Принцесс?

– Ага. Тех самых, где ноги от ушей, волосы до попы, а сорок килограмм костей обтянуты кожей, такой же бархатной, как лепестки роз.

Реакция моего визави оказывается неожиданной. Несколько долгих секунд он, не моргая, меня изучает, а потом фыркает. Вот так берет и фыркает, кривя губы в подобии улыбки.

– Приятного аппетита, Арина. Я рад, что вы не цените голодовку. Да и упадок сил – вовсе не то, что вам сейчас нужно.

Ожидаю, что руки, держащие вилку и нож, дрогнут под прицельным немигающим взглядом графитовых глаз, но всё оказывается проще. Как и я, Арбатов оказывается голодным и всецело отдается обеду. Я присоединяюсь.

– А долму здесь хорошо готовят, – выдает мой сотрапезник между делом, когда я, откромсав кусочек от сочного говяжьего стейка и отправив его в рот, довольно жмурюсь. – Обязательно попробуйте.

Глава 17

– Рассказывайте, Арина, – произносит Арбатов спокойно. Такие, как он, говорят тихо, а слышно их хорошо.

– Что именно?

Нет, я не собираюсь ходить вокруг да около, но проще отвечать на конкретные вопросы, чем распыляться на то, что кажется важным мне, но неинтересно моему собеседнику в принципе.

– С чего вдруг одна из самых верных и преданных жен Петербурга решает собственноручно запачкать своё имя короткой, но громкой интрижкой и при этом бездарно слить многомиллионную коллекцию? Ну, узнали вы о неверности Зотова, и что? Не проще ли пойти и мирно развестись?

Арбатов говорит о загуле моего мужа с тем же выражением лица, какое бывает при обсуждении погоды. Пофигистским.

Странно ли это видеть? Нет, не особо. Трагедия произошла в моей жизни, а не в его.

Больше цепляет другое. Начинаешь задумываться, а сколько еще людей вокруг в курсе моих больших и ветвистых рогов? Смеются за спиной? Жалеют? Злорадствуют? Называют наивной курицей? Ах, нет, удобной женой.

– Проще, конечно, – возвращаюсь к беседе.

Подхватив чайную ложку, бездумно крошу чизкейк на ку-

сочки и размазываю их по блюдцу. Еще минуту назад пирожное выглядело очень аппетитно, жаль, что попробовать его так и не удалось.

– Я так и решила, Руслан Германович, – хмыкаю, вспоминая собственную самоуверенность. – О разводе Роману сказала, как только он... появился дома. Но, оказалось, что слабые точки есть и у меня. Муж не погнушался на них надавить.

– И что же это за точки? – следует закономерный вопрос, небольшая пауза, и следом продолжение. – Только не говорите, что благотворительный фонд?

Арбатов вглядывается в моё лицо, ловит и удерживает взгляд, а затем хмыкает и качает головой.

– М-дааа... – звучит его вердикт.

Вижу, что собеседник реально не понимает, почему меня тормозят угрозы мужа устроить проблемы чужим людям. Пусть даже больным детям.

Руслана Германовича сей факт не пробивает.

А я не могу ему объяснить, что слишком близко воспринимаю их боль. Нет не всех детишек подряд, не настолько я дурная. Но тех малышей, чьи личные дела уже больше полугода лежат у меня в столе, изученные от корки до корки, бросить не могу.

Я обещала им участие, я согласовывала план финансовой помощи каждому, я их систематически навещала... и вот так взять и забыть, отвернуться, сделать вид, что... простите, ма-

ленькие, теперь не выходит – ну не могу я!

Они – моя ответственность, пусть фактически чужие. А время поджигает. У двоих счет идет на недели, у остальных на месяцы, и от обострения никто не застрахован.

– То есть, Роман развода не хочет?

Новый вопрос вытягивает из трясины переживаний.

– Нет. Не хочет.

– А вы?

– Не понимаю. К чему вы клоните?

Хмурю брови, прищуриваюсь, проматываю в голове чуть более ранние вопросы и мои ответы. Стараюсь нащупать подводные камни, но сдаюсь.

– Я же уже сказала, что хочу развода.

– Сказать и сделать, Арина, – разные вещи. По тому, что я пока вижу и слышу, ваше поведение смахивает скорее на действия обиженной жены. Показать характер, подергать Зотова за усы встречами со мной, но остаться в итоге при нем.

«При нём», не «с ним».

Арбатов не смягчает краски. Смотрит в глаза и прицельно бьет по больному.

Наблюдает и снова бьет. Каждой фразой.

Самое ужасное, что его слова не так далеки от правды.

Я действительно не пошла в ЗАГС и не написала заявление. Я вообще ничего не сделала, будто действительно рассматриваю возможность закрыть на случившееся глаза и плыть по течению.

Шумно выдыхаю, тру переносицу и откидываюсь на спинку дивана.

– Дайте мне пять минут, чтобы собраться с мыслями, – прошу и тянусь к стакану с минералкой.

Рука дрожит, когда делаю первый небольшой глоток. Пара капель соскальзывает по подбородку. Смахиваю их пальцами, игнорируя салфетку. Но от платка, появившегося перед глазами, так просто отмахнуться не могу.

– Он чистый, – в этот момент рокошующие нотки в голосе Арбатова действуют на нервы как никогда сильно.

Прошивают насквозь.

Вместо того чтобы смотреть на белоснежную ткань, поднимая взгляд на собеседника и начинаю говорить.

– Про наличие у Романа любовницы я узнала около недели назад, когда он с Кирой попал в аварию, а я приехала к нему в больницу. Явилась, как говорят, в самый пиковый момент. До этого дня ни о чем не догадывалась. У меня и в мыслях не было, что он может... – понимаю, что на эмоциях несет не в те дали, которые важны.

Обрываю себя и дальше пробую выдавать лишь сухие по остатку факты.

Про Измайлова, засунувшего меня в другую палату и «открывшего» на всё глаза; про его навязчивое в последние дни внимание.

Про Киру, которая по словам моего мужа неизлечимо больна, а по поведению живее всех живых.

Про Романа, его угрозы и попытки меня образумить и подвести к мысли, что совсем скоро нас станет трое. Меня заставят воспитывать чужого ребенка как своего.

– Вы говорите, что я ничего не сделала, – продолжаю подбивать итоги. – Верно. В данный момент я не вижу способов, как лавировать. Подавать заявление на развод электронно – а в чем смысл, если Зотов со своей стороны его не подпишет? Ехать в ЗАГС – кто пустит? У меня охрана на хвосте двадцать четыре на семь. Без их ведома дом я покинуть не могу. Они везде и всюду. Нет, я конечно могу прорваться, но знаю, что хода бумаге не дадут. Она затеряется раньше, чем её внесут в реестр.

Арбатов никак не реагирует, но по глазам вижу, что все мои выводы он одобряет.

Интуиция? Физиогномика? А черт его знает!

– Адвокат?

– На какие средства? – невесело хмыкаю. – Роман полностью меня контролирует. Даже моя зарплата перечисляется на его карту. А все средства от ретро машин идут на поддержание их в технически исправном состоянии, остальное в фонд помощи детям.

– Вы могли бы продать коллекцию. Я предлагал за нее хорошие деньги, но получил отказ.

– Руслан Германович, – улыбаюсь и высоко держу голову, хотя хочется, как маленькой девочке, хлопнуть носом и пожаловаться. – На коллекции обременение. Три года без пра-

ва продажи. Ни целиком, ни отдельными объектами. Сейчас я думаю, таким образом мой дядя хотел подстраховаться и защитить меня. Романа машины никогда не интересовали, а вот их стоимость и продажа сильно. Григорий Иванович это видел, чувствовал.

– Квартира вашего родственника? Ее тоже не продать? – темная бровь мужчины поднимается вверх.

– Четыре дня назад я дала объявления, кажется, везде где только можно.

– И?

– К вечеру того же дня они все исчезли. Через сутки повторилось то же самое. И вчера. Не удивлюсь, если мой ноутбук и рабочий компьютер проверяются.

Устремляю взгляд поверх плеча собеседника, в отличие от меня расслабленно развалившегося на противоположном диванчике, и озвучиваю то, к чему пришла за последнюю неделю.

– Я думала, что быть замужем за богатым и влиятельным человеком – защита. Теперь понимаю, что нет, ошиблась, это клетка.

Арбатов не комментирует. Щелкает пальцами, подзывая официанта, и просит принести мне еще один десерт и кофе на двоих.

Понимаю, что ждать от него сочувствия – слишком наивно. Такие люди признают только силу, а я в его глазах – слабачка со странными идеалами. Та, кто ставит чужие жизни

выше собственных желаний. Ведь будь я эгоисткой, давно бы послала Зотова далеко и навсегда, собрала документы и исчезла в закате, наплевав на угрозы и больных детей.

– Зачем вам любовник, Арина? – спрашивает мужчина, когда мы вновь остаемся одни. – В чем суть провокации?

А черт его знает?

Отомстить мужу его же оружием?

Да.

Подпортить ему репутацию?

Тоже бы не отказалась.

Провернуть обман и унижить?

Еще как.

Я добрая и жалостливая к беззащитным и детям. К тем, кто вытирает об меня ноги, сочувствия нет.

– Я хочу выставить себя гулящей женщиной, – заявляю четко и с удовольствием ловлю искорки удивления, загорающиеся в графитовых сумерках мужских глаз. – Зотов сказал, что я вернусь в Петербург с «наследником» через четыре – пять месяцев. Получается, что в данный момент я должна быть уже беременна. Так вот, моя связь с другим мужчиной, если таковую все увидят и обмусолят, бросит темное пятно на будущее ребенка. Уверена, Рома не захочет так рисковать. Он сам подаст на развод.

– А если нет?

– Что значит – нет? – теряюсь. В моем сценарии такого развития событий не предусмотрено. – Он должен будет от

меня избавиться. По-хорошему, вообще жениться на Кире и растить с ней ребенка. Он же ее любит.

– С чего вы это взяли?

Вопрос удивляет.

– Но как же? – взмахиваю рукой, – он сам так говорил.

– Кому? Вам?

– Э-э-э, нет... ей, – старательно припоминаю подслушанный разговор в больнице.

Меня Зотов всегда убеждал, что не понимает этого чувства и потому словами не разбрасывается. Я верила. Впрочем, как всегда.

– Каким образом Роман вами манипулирует? Чем конкретно?

Арбатов, как следователь, ловко играет вопросами. Внимательно слушает ответы. И ничем не выдает своего отношения к услышанному.

– Грозится прекратить финансирование операций четверым малышам, которые находятся в критическом состоянии. Да и попросту закрыть детский дом.

– А то, что он узнает о наших встречах? Что ему помешает оставить вас при себе, но денежный поток обрезать?

– Поэтому... – прикусываю губу и глубоко дышу, собираюсь с силами, чтобы впервые использовать манипуляцию, – поэтому я хочу поставить одно условие в нашей с вами сделке. Я подарю вам коллекцию дяди, подпишу договор дарения, а вы дадите мне в долг, естественно, под проценты и

расписку, пятнадцать миллионов. Я их верну, обещаю. Как только Роман развяжет мне руки, я выставлю квартиру дяди на продажу и рассчитаюсь.

– Хм...

Руслан Германович выдерживает паузу, за время которой спокойно отпивает кофе и даже что-то просматривает в телефоне. Кажется, он специально накручивает мои нервы на кулак, ожидая срыва.

Сiju как на иголках, но смиренно жду его решения.

– Скажите, Арина, а где вы собираетесь жить и на что, когда Зотов выставит вас за дверь, а от единственной жилплощади вы избавитесь, чтобы вернуть мне долг? Из фонда вас вышвырнут, не сомневайтесь. Им не нужны проблемные сотрудники. Имейте ввиду, когда ваш муженек начнет мстить, то не остановится ни перед чем.

Сглатываю. Об этом я тоже думала. Крутила и так, и этак, понимая, если останусь в Питере, Зотов жизни не даст. Но ведь главное – я получу свободу.

– Всё просто. Вернусь туда, откуда приехала, – дергаю плечом. – Под Тверь. Не переживайте, руки-ноги есть, не пропаду. Учителя требуются всегда и везде. Без работы не останусь.

Ожидаю, что Арбатов скривится, узнав о моих планах, но тот снова никак не реагирует. Хотя нет, он подталкивает в мою сторону блюдо с новым куском чизкейка и распоряжается:

– Ешьте. Я пока отойду, нужно позвонить.

Киваю, хотя мужчине мое согласие не требуется. Он пружинисто поднимается и устремляется в сторону распахнутых на веранду дверей.

С мыслью, что кусок встанет поперек горла, как бы красиво арахисовый кранч не выглядел, отправляю лакомство в рот. В голове кавардак. Кажется, будто я наговорила много лишнего, но при этом была малоубедительной, не дает покоя.

Понимаю, если Руслан Германович откажется, других шансов противостоять Роману не будет. Придется либо проглатывать то, что подсунет муж, либо бежать и скрываться, предавая детишек.

Только в тандеме с Абратовым есть шанс выжить. Он – не мелкая сошка, величина масштабная. От такого гиганта походя не отмахнешься, не устранишь запугиванием, как любого другого, выбери я в «любовники» простого смертного.

Что же касается испорченной репутации – ничего, как-нибудь переживу. Главное, чтобы в том месте, куда я вернусь, не все были повернуты на отслеживании светской хроники. Иначе... работа ни в школе, ни в детском саду мне не светит.

Впрочем, решать проблемы буду по мере поступления.

Вершитель моей судьбы появляется в тот момент, когда я отправляю в рот последний кусок пирожного. Раньше на нервах не могла есть. Сейчас всё иначе. Жую и не замечаю. Наверное, из-за сложившейся ситуации нервы стали другие.

Арбатов занимает свое место за столом и только после этого произносит:

– Удивительная вы, Арина Алексеевна, женщина. Вместо того чтобы выслушивать мои условия, умудряетесь выдвигать и навязывать свои.

– Вы не согласны?

Прячу руки под столом, чтобы не показывать, как затряслись кончики пальцев.

– Я этого не говорил.

Признаю, мой собеседник – мастер держать интригу. По лицу ничего невозможно прочесть. В другой ситуации я бы восхитилась, сейчас – не могу.

– И?

Руслан Германович хмурится, внимательно глядя, словно подбирает слова в уме, после чего продолжает:

– Я помогу, но с условиями. И если об этом узнает хоть одна живая душа... поверь, – Арбатов вдруг переходит на «ты», чем пугает даже сильнее, нежели угрозами, – сделаю так, что ты не обрадуешься. Я – не Зотов, в случае со мной – не поможет никто и ничто.

Богатое воображение тут же рисует огненные всполохи в графитовом взгляде. Будто не с человеком сделку заключаю, а с самим дьяволом, который обещает адские муки, если оступлюсь.

– Поняла. Какие у вас условия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.